

Спасибо, что скачали книгу на сайте swan-swan.ru/knigi

Мы предлагаем для скачивания книги, которые признаны общественным достоянием и не нарушают авторские права.

Приятного чтения!

С уважением, коллектив swan-swan.ru

Джон Грин Бумажные города

С благодарностью Джули Стросс-Гейбел, без которой ничего этого не было бы.

Потом мы вышли на улицу и увидели, что она уже зажгла свечу; мне очень понравилось лицо, которое она вырезала из тыквы: издали казалось, что в глазах сверкают искры.

– «Хеллоуин», Катрина Ванденберг, из сборника «Атлас».

Говорят, что друг не может уничтожить друга.

Да что они об этом знают?

– Из песни группы «Маунтин гоутс».

Пролог

Мое мнение таково: с каждым человеком в жизни случается какое-то чудо. Ну, то есть, конечно, маловероятно, что в меня попадет молния или я получу Нобелевку, или стану диктатором маленького народа, обитающего на каком-нибудь островке в Тихом океане, или подцеплю неизлечимый рак уха в конечной стадии, или вдруг самовозгорюсь. Но, если посмотреть на все эти необыкновенные явления вместе, скорее всего, с каждым хоть что-то маловероятное да происходит. Я, например, мог бы попасть под дождь из лягушек. Или высадиться на Марсе. Жениться на английской королеве или несколько месяцев в одиночестве болтаться в море, находясь на грани жизни и смерти. Но со мной приключилось кое-что другое. Среди всех многочисленных жителей Флориды именно я оказался соседом Марго Рот Шпигельман.

Джефферсон-парк, где я живу, раньше был базой военно-морского флота. Но потом она стала не нужна, и землю вернули в собственность муниципалитета Орландо, Флорида, а на месте базы отстроили огромный жилой район, потому что именно так сейчас используется свободная земля. И в итоге мои родители и родители Марго купили дома по соседству, как только стройка первых объектов была закончена. Нам с Марго тогда было по два года.

Еще до того как Джефферсон-парк превратился в Плезентвилль, даже до того как он стал базой военно-морского флота, он действительно принадлежал некому Джефферсону, точнее, доктору Джефферсону Джефферсону. В честь доктора Джефферсона Джефферсона в Орландо назвали целую школу, есть еще крупная благотворительная организация его имени, но самое интересное, что доктор Джефферсон Джефферсон не был никаким «доктором»: невероятно, но факт. Он всю жизнь торговал апельсиновым соком. А потом вдруг разбогател

и стал человеком влиятельным. И тогда он пошел в суд и сменил имя: «Джефферсон» поставил в середину, а в качестве первого имени записал слово «доктор». И попробуй возрази.

Так вот, нам с Марго было по девять. Родители наши дружили, поэтому и мы с ней иногда играли вместе, гоняя на великах мимо тупиковых улиц в сам Джефферсон-парк – главную достопримечательность нашего района.

Когда мне говорили, что скоро придет Марго, я всегда жутко волновался, поскольку считал ее самым божественным из созданий господних за всю историю человечества. В то самое утро на ней были белые шорты и розовая маечка с зеленым драконом, у которого из пасти вырывалось пламя оранжевых блесток. Сейчас-то сложно объяснить, почему мне эта майка в тот день показалась такой восхитительной.

Марго ездил на велике стоя, прямыми руками вцепившись в руль и нависнув над ним всем телом, фиолетовые кеды так и сверкали. Дело было в марте, но жара уже стояла, как в парной. Небо было ясным, но в воздухе чувствовался кислотоватый привкус, говоривший о том, что через некоторое время может грянуть буря.

Я в то время мнил себя изобретателем, и, когда мы с Марго, бросив велики, пошли к игровой площадке, я принялся рассказывать ей о том, что разрабатываю «ринголятор», то есть гигантскую пушку, которая сможет стрелять большими цветными камнями, запуская их кружиться вокруг Земли, чтобы у нас тут стало, как на Сатурне. (Я до сих пор считаю, что это было бы классно, вот только сделать пушку, которая будет выводить камни на земную орбиту, оказывается, довольно сложно.)

Я часто бывал в этом парке и хорошо знал каждый его уголок, так что довольно скоро почувствовал, что что-то странное стряслось с этим миром, хотя и не сразу заметил, что же именно в нем изменилось.

– Квентин, – тихо и спокойно сказала Марго.

Она показывала куда-то пальцем. Тут-то я и увидел, что не так.

В нескольких шагах перед нами находился дуб. Толстенный, шишковатый, жутко старый. Он всегда тут стоял. Справа располагалась площадка. Она тоже не сегодня появилась. Но там, прислонившись к стволу дерева, сидел мужчина в сером костюме. Он не двигался. Вот его я увидел впервые. А вокруг него разлилась лужа крови. Кровь текла изо рта, хотя струйка уже почти пересохла. Мужчина как-то странно разинул рот. На его бледном лбу спокойно сидели мухи.

– Он мертвый, – добавила Марго, как будто я сам не видел.

Я отошел на два шажка назад. Помню, мне почему-то казалось, что если вдруг я сделаю какое-нибудь резкое движение, он может очнуться и накинуться на меня. Вдруг это зомби? Я в том возрасте уже знал, что их не бывает, но этот мертвец действительно выглядел так, будто в любой момент может ожить.

И пока я делал эти два шага назад, Марго так же медленно и осторожно шагнула вперед.

– У него глаза открыты, – констатировала она.

– Надодомойвозвращаться, – ответил я.

– Я думала, что умирают с закрытыми глазами, – не унималась она.

– Маргонадвернутьсядомойирассказатьродителям.

Она сделала еще шаг вперед. Протяни она сейчас руку, она могла бы коснуться его ноги.

– Как ты думаешь, что с ним случилось? – спросила она. – Может, наркотики или что-то в этом роде.

Мне не хотелось бросать Марго одну с трупом, который в любой момент мог ожить и броситься на нее, но оставаться там и обсуждать обстоятельства его кончины в мельчайших подробностях я тоже был не в состоянии. Я набрался смелости, шагнул вперед и схватил ее за руку.

– Маргонадоидтидомойсейчасже!

– Ну ладно, хорошо, – согласилась она.

Мы побежали к великам, у меня перехватило дух, как от восторга, только это был не восторг. Мы сели, и я пропустил Марго вперед, потому что сам расплакался и не хотел, чтобы она это видела. Подошвы ее фиолетовых кед были окрашены кровью. Его кровью. Этого мертвого мужика.

А потом мы разошлись по домам. Мои родители вызвали 911, вдалеке завывали сирены, я попросил разрешения посмотреть на машины, мама отказала. Тогда я лег спать.

Мои мама с папой – психотерапевты, так что у меня, по определению, проблем психологических нет. Когда я проснулся, у нас с мамой состоялась предлинная беседа о продолжительности жизни человека, о том, что смерть – это тоже часть жизненного цикла, но мне в возрасте девяти лет об этой фазе можно особо не задумываться, в общем, мне стало лучше. Честно, я на эту тему как-то никогда не загонялся. Это о многом говорит, потому что в принципе загоняться я умею.

Таковы факты: я наткнулся на мертвого мужика. Маленький миленький девятилетний мальчик, то есть я, и моя еще более маленькая и куда более миленькая подружка нашли в парке мертвеца, у которого шла ртом кровь, и когда мы помчались домой, маленькие миленькие кедки моей подружки были в этой самой его крови. Очень драматично, конечно, и все дела, но что из того? Я его не знал. Каждый треклятый день умирают люди, которых я не знаю. Если бы всякое несчастье, происходящее в этом мире, доводило меня до нервного срыва, я бы давно уже слетел с катушек.

В девять вечера я пошел к себе в комнату, собираясь лечь спать – по расписанию. Мама подоткнула мне одеяло, сказала, что любит меня, я сказал ей «до завтра», она тоже сказала мне «до завтра», выключила свет и закрыла дверь так, что осталась лишь маленькая щель.

Повернувшись на бок, я увидел Марго Рот Шпигельман: она стояла на улице, буквально прижавшись носом к окну. Я встал, открыл его, теперь нас разделяла только москитная сетка, из-за которой казалось, что у нее лицо в мелкую точку.

– Я провела расследование, – серьезным тоном сообщила она.

Хотя сетка мешала разглядеть ее как следует, я все же увидел в руках у Марго маленький блокнотик и карандаш со вмятинами от зубов около резинки.

Она посмотрела на свои записи:

– Миссис Фельдман из Джефферсон-корт сказала, что его звали Робертом Джойнером. И что он жил на Джефферсон-роуд в квартире дома с гастрономом. Я сходила туда и застала кучу полицейских, один из них спросил, я что, из школьной газеты, я ответила, что у нас в школе нет своей газеты, а он сказал, что если я не журналист, то он может ответить на мои вопросы. Выяснилось, что Роберту Джойнеру было тридцать шесть лет. Он адвокат. В его квартиру меня не пустили, но я зашла к его соседке по имени Хуанита Альварес под предлогом, будто хочу одолжить у нее стакан сахара, и она сказала, что этот Роберт Джойнер застрелился из пистолета. Я спросила почему, и оказалось, что его жена захотела с ним развестись и это его очень расстроило.

На этом рассказ Марго закончился, а я стоял и молча смотрел на нее: ее серое от лунного света лицо разбивалось оконной сеткой на тысячи крошечных точек. Взгляд ее больших круглых глаз метался с меня на блокнот и обратно.

– Многие разводятся без самоубийства, – прокомментировал я.

– *Знаю*, – взволнованно ответила она. – Я как раз *то же самое* сказала Хуаните Альварес. А она ответила... – Марго перелистнула страницу. – ...что мистер Джойнер был человеком нелегким. Я спросила, что это означает, а она просто предложила помолиться за него и велела нести сахар маме, я сказала ей: «Про сахар забудьте» – и ушла.

Я снова промолчал. Я хотел, чтобы продолжала говорить она – в ее тихом голосе звучало возбуждение человека, приблизившегося к разгадке какого-то важного вопроса, и у меня от этого создавалось ощущение, будто происходит что-то очень важное.

– Мне кажется, что я, может быть, понимаю, почему он это сделал, – наконец сказала Марго.

– Почему?

– У него, наверное, все ниточки в душе оборвались, – объяснила она.

Думая, что на это можно ответить, я нажал на защелку и вынул из окна разделявшую нас сетку. Я положил ее на пол, но Марго не дала мне ничего сказать. Она, практически уткнувшись в меня лицом, велела: «Закрой окно», и я повинился. Я думал, что она собирается уходить, но она осталась и продолжала смотреть на меня. Я помахал ей рукой и улыбнулся, но мне показалось, что она смотрит на что-то у меня за спиной, на что-то столь ужасное, что у нее кровь отхлынула от лица, и я настолько перепугался, что не осмелился повернуться и посмотреть, что же там. Но у меня за спиной, естественно, ничего такого не было – кроме, разве что, того мертвеца.

Я перестал махать. Мы с Марго смотрели друг на друга через стекло, наши лица находились на одном уровне. Я не помню, чем это все закончилось – я пошел спать или она ушла. У меня это воспоминание конца не имеет. Мы просто стоим и смотрим друг на друга целую вечность.

Марго обожала всякие загадки. Впоследствии я часто думал, что, может быть, именно поэтому она и сама стала девочкой-загадкой.

Часть первая НИТОЧКИ

1

Самый минный в моей жизни день не спешил начаться: я проснулся поздно, очень долго принимал душ, так что завтракать в ту среду мне пришлось в 7:17 в мамином минивене.

Обычно я езжу в школу вместе со своим лучшим другом Беном Старлингом, но он в тот день вышел вовремя, так что меня прихватить не смог. «Приехать вовремя» у нас означало «за полчаса до звонка». Первые тридцать минут школьного дня были самым значимым пунктом в графике нашей общественной жизни: мы собирались у черного хода в репетиционную и разговаривали. Многие из моих друзей играли в школьном оркестре, так что почти все свободное время мы проводили в радиусе двадцати футов от их репетиционной. Но сам я не играл, поскольку мне медведь на ухо наступил, отдавив его так, что иногда меня вообще можно принять за глухого. Я опаздывал на двадцать минут, что означало, что я все же приеду за десять минут до начала первого урока.

По пути мама завела разговор о школе, экзаменах и выпускном.

– Меня выпускной не интересует, – напомнил ей я, когда она заворачивала за угол.

Я держал тарелку с хлопьями с учетом динамических перегрузок. Опыт у меня уже был.

– Я думаю, ничего страшного не будет, если ты пойдешь туда с девочкой, с которой у вас просто дружеские отношения. Ты же можешь пригласить Кэсси Задкинс.

Да, я мог пригласить Кэсси Задкинс – она просто отличная, и милая, и приятная, только вот с фамилией ей не повезло.

– Дело не только в том, что мне не нравится сама мысль идти на выпускной. Мне еще и не нравятся те люди, которым нравится мысль идти на выпускной, – объяснил я, хотя это, по сути, было неправдой. Бен, например, этим выпускным просто бредил.

Мама подъезжала к школе, и на лежачем полицейском я придержал тарелку, которая, впрочем, была уже почти пустой. Я посмотрел на стоянку для старших курсов. Серебристая «хонда» Марго Рот Шпигельман стояла на своем обычном месте. Мама заехала в тупик у

репетиционной и чмокнула меня в щеку. Бен и остальные мои друзья стояли полукругом.

Я направился к ним, и полукруг принял меня, став чуть больше. Они обсуждали мою бывшую, Сьюзи Ченг. Она играла на виолончели, а сейчас решила произвести фурор, начав встречаться с бейсболистом по имени Тэдди Мэк. Я даже не знал, настоящее ли это имя или кличка. Но как бы то ни было, Сьюзи решила идти на выпускной с ним, с этим Тэдди Мэком. Еще один удар судьбы.

– Эй, – окликнул меня Бен, стоявший напротив.

Он мотнул головой и развернулся. Я двинулся за ним. Он вошел в репетиционную. Мой лучший друг Бен был мелким и смуглым и к тому времени уже начал созревать, но еще не дозрел. Мы с ним дружили с пятого класса – с того самого момента, как оба наконец признали тот факт, что никому больше в качестве «лучшего друга» не сдались. К тому же он очень старался быть хорошим, и мне это нравилось – по большей части.

– Ну че, ты как? – спросил я. Оттуда нас никто не мог услышать.

– Радар идет на выпускной, – мрачно объявил он.

Это еще один наш лучший друг. Мы прозвали его Радаром, потому что он был похож на маленького очкарика Радара из старого телешоу, за исключением того что, во-первых, Радар в том шоу не был чернокожим, и во-вторых – через некоторое время наш Радар вытянулся на шесть дюймов и стал носить контактные линзы, так что я подозреваю, что, и это в-третьих, ему тот чувак из телешоу вообще не нравился, но, в-четвертых, поскольку до конца учебы в школе оставалось всего три с половиной недели, выдумывать ему другую кличку мы не собирались.

– С этой Энджелой? – спросил я.

Радар никогда ничего о своей личной жизни не рассказывал, что, впрочем, не мешало нам постоянно строить собственные предположения на этот счет.

Бен кивнул и добавил:

– Я тебе рассказывал про свой грандиозный план? Пригласить кого-нибудь из младших? Из тех, кто не знает мою «кровавую историю»?

Я кивнул.

– Так вот, – продолжал Бен. – Сегодня ко мне подошла какая-то милая зайка из девятого класса и спросила: «Ты тот самый кровавый Бен?» Я стал ей объяснять, что это было из-за инфекции в почках, но она хихикнула и убежала. Так что этот план отпадает.

В десятом классе Бена забрали в больницу, потому что у него была почечная инфекция, но Бекка Эррингтон, лучшая подружка Марго, пустила слух, что у него якобы кровь в моче, потому что он постоянно дронит. Несмотря на то что с медицинской точки зрения это полнейший бред, последствия этой истории Бен ощущает до сих пор.

– Отстойно, – посочувствовал я.

Бен принялся посвящать меня в свой новый план найти себе спутницу на выпускной, но я слушал лишь вполуха, поскольку в сгущающейся в коридоре толпе заметил Марго Рот Шпигельман. Она стояла у своего шкафчика – а рядом ее парень, Джейс. На ней была белая юбка до колен и топ с каким-то синим рисунком. Я смотрел на ее ключицы. Она хохотала над чем-то как ненормальная – согнувшись, широко раскрыв рот, а в уголках глаз залегли морщинки. Но мне показалось, что насмешил ее не Джейс, поскольку смотрела она не на него, а куда-то вдаль, на ряд шкафчиков. Я проследил ее взгляд и увидел Бекку Эррингтон, которая повисла на каком-то бейсболисте, как гирлянда на елке. Я улыбнулся Марго, хотя и понимал, что она меня все равно не видит.

– Старик, ты все же должен решиться. Забудь про Джейса. Боже, она же нереально сладкая зайка.

Мы шли по коридору, и я все бросал на нее украдкой взгляды, словно фотографируя: это была серия снимков под названием «*Совершенство неподвижно, а мимо него снуют простые смертные*». Когда мы подошли поближе, я подумал, что она, может быть, вовсе не смеется, может, ее чем-то удивили или что-то ей подарили, или вроде того. Марго, похоже, просто не могла закрыть рот.

– Да, – ответил я Бену, по-прежнему не слушая его, поскольку был слишком занят: я старался ничего не упустить, но в то же время не хотел, чтобы кто-нибудь заметил, что я на нее глазею.

Дело даже не в том, что она очень красивая. Марго просто богиня в буквальном смысле этого слова. Мы прошли мимо нее, толпа между нами сгустилась, и я уже едва ее видел. Я так и не смог заговорить с ней и выяснить, что же ее насмешило-удивило. Бен покачал головой: он давно понял, что я от этой девчонки глаз не могу отвести, и уже привык.

– Нет, честно, она классная, конечно, но не *настолько*. Знаешь, кто по-настоящему секси?

– Кто? – спросил я.

– Лэйси, – ответил Бен, имея в виду еще одну лучшую подружку Марго. – И твоя мама тоже. Ты прости конечно же, но когда я сегодня увидел, как она тебя в щечку целует, я подумал: *«Господи, как жаль, что я не на его месте»*, честно тебе говорю. И еще: *«Как жаль, что щеки не на члене расположены»*.

Я двинул ему локтем под ребра, хотя думал все еще о Марго, поскольку именно она была легендой, жившей со мной по соседству. Марго Рот Шпигельман – все шесть слогов ее имени почти всегда произносились с легким налетом мечтательности. Марго Рот Шпигельман – рассказы о ее эпических приключениях сотрясали всю школу, как землетрясение. Один старик, живший в полуразрушенном доме в Хот Кофи, Миссисипи, научил Марго играть на гитаре. Марго Рот Шпигельман в течение трех дней путешествовала с цирком – им показалось, что она сможет прекрасно выступать на трапедии. В Сент-Луисе Марго Рот Шпигельман выпила за кулисами чашку травяного чая с группой «Маллионеры», пока они сами хлестали виски. Марго Рот Шпигельман попала на тот концерт, соврав вышибалам, будто она подружка басиста: вы что, меня не узнаете, да, ребят, хватит прикалываться, я – Марго Рот Шпигельман, и если вы спросите самого басиста, он, как только меня увидит, скажет, что я его подружка, или что он оч-чень хочет, чтобы я ею стала; вышибала послушался, и басист действительно сказал: *«Да, это моя девчонка, пустите ее на концерт»*, а потом, после выступления, он хотел с ней замутить, но она *отвергла басиста из «Маллионеров»*.

Когда кто-либо рассказывал о похождениях Марго, история непременно заканчивалась вопросом: *«Блин, можешь в это поверить?»* Зачастую поверить было невозможно, но потом всегда оказывалось, что это действительно правда.

И тут мы с Беном дошли до своих шкафчиков. Там стоял Радар, забывая что-то в наладонник.

– Значит, ты на выпускной собрался, – сказал я.

Он поднял взгляд на меня, а потом снова опустил его в экран.

– Я восстанавливаю испорченную статью в Мультитпедии о бывшем премьер-министре Франции. Прошлой ночью кто-то удалил все, что там было, написав вместо этого: *«Жак Ширак – пидар»*, – а это неверно ни фактически, ни с точки зрения английского языка.

Радар – ответственный редактор основанного им же сетевого справочника под названием Мультитпедия, статьи в который могут писать и рядовые пользователи. Он посвящает этому проекту всего себя без остатка. Еще одна причина, по которой его решение пойти на выпускной меня крайне удивило.

– Значит, ты на выпускной собрался, – повторил я.

– Извини, – сказал он, продолжая смотреть в наладонник.

Все прекрасно знали, что я идти на выпускной не хочу. Меня это мероприятие совершенно не привлекало – ни медленные танцы, ни быстрые, ни платья, а уж как меня не привлекала перспектива брать в аренду парадный смокинг! Мне казалось, что это верный способ подхватить какую-нибудь жуткую заразу от его предыдущего носителя, а я совершенно не желал стать первым в мире девственником с лобковыми вшами.

– Дружище, – сказал Радару Бен, – даже зайкам из девярых классов известно о моем кровавом прошлом.

Радар опустил свой наладонник и с сочувствием закивал.

– Так вот, – продолжал Бен, – у меня остается два варианта действий: либо нанять кого-нибудь за деньги на специальном сайте, либо слетать в Миссури и выкрасть там какую-нибудь зайку, выросшую на деревенских хлебах.

Я пытался объяснить Бену, что «зайка» – это сексизм и гадость, а не крутое ретро, как думает он, но Бен все равно от этого словечка не отказался. Он и мать свою зайкой называл. Видимо, это уже не исправить.

– Я спрошу Энджелу, может, она кого присоветует, – ответил Радар. – Хотя найти тебе пару на выпускной будет сложнее, чем свинец в золото превратить.

– Да, это будет тяжело. Тяжелее осмий-иридиевого сплава, – добавил я.

Радар в знак одобрения дважды стукнул кулаком по дверце шкафчика, а потом придумал еще один вариант:

– Бен, найти тебе пару на выпускной так трудно, что правительство Соединенных Штатов не видит возможности решить данный вопрос путем переговоров и считает нужным начать военные действия.

Пока я пытался выдумать что-нибудь еще на эту тему, мы вдруг все трое одновременно заметили, что в нашу сторону целеустремленно направляется контейнер анаболических стероидов в форме человеческого существа, известного под именем Чак Парсон. Чак даже не думал увлекаться спортивными играми – это отвлекло бы его от основной цели его жизни: он собирался заработать себе судимость за убийство.

– Эй, придурки, – начал он.

– Привет, Чак, – ответил я со всем подвластным мне на тот момент дружелюбием.

Чак нас по-крупному не беспокоил уже почти два года – кто-то в стане крутых издал указ, что нас надо оставить в покое. Так что странно было, что он вообще с нами заговорил.

Может, из-за того что я дерзнул ответить, обе его ручки с грохотом уперлись в шкафчики по обеим сторонам от меня. Лицо Чака оказалось так близко, что можно было даже попробовать угадать, какой зубной пастой он пользуется.

– Что тебе известно насчет Марго и Джейса?

– М-м, – ответил я.

И вспомнил все, что знал на эту тему: Джейс – первый и единственный настоящий парень Марго Рот Шпигельман. Они начали встречаться в конце прошлого учебного года. И в следующем году оба планировали учиться во Флоридском университете. Джейсу, как выдающемуся бейсболисту, даже давали стипендию. У нее дома он не бывал, только забирал ее, когда они шли куда-то вместе. По Марго нельзя было сказать, что он ей прямо сильно нравится, но по ней и нельзя было сказать, что ей всерьез нравится хоть кто-либо вообще.

– Ничего, – наконец ответил я.

– Не бреши, – прорычал он.

– Да я ее едва *знаю*, – сказал я, что к тому времени уже стало правдой.

Чак около минуты раздумывал над моим ответом, а я изо всех сил старался смотреть прямо в его близко посаженные глазки. Он едва заметно кивнул, потом оттолкнулся от ящиков и пошел на урок: у него в расписании значилось «Питание и уход за грудными мышцами». Прозвенел второй звонок. До начала занятий оставалась одна минута. У нас с Радаром была математика, а у Бена – физика. Классы располагались рядом, и мы пошли вместе, рассчитывая, что одноклассники дадут нам пройти, и толпа действительно расступалась.

И я сказал:

– Найти тебе пару на выпускной будет настолько нереально, что даже если тысяче обезьян дать тысячу пишущих машинок, вряд ли хоть одна и за целую тысячу лет напечатает: «*Я пойду с Беном*».

Бен не устоял и начал прикалываться над самим собой.

– Да, мои шансы ничтожны, меня даже бабушка Кью отвергла. Сказала, что ждет приглашения от Радара.

Радар неспешно закивал:

– Это верно, Кью. Она же у тебя любит «братьев».

Забыть о Чаке и трепаться о выпускном, на который я даже идти не хотел, было до обидного просто. Именно так тем утром все и складывалось: меня ничто особо не занимало, ни хорошее, ни плохое. Мы просто прикалывались, и дела на этом поприще шли довольно неплохо.

Следующие три часа я провел в разных классах, стараясь не смотреть на висящие над доской часы, но все же делал это и неизменно удивлялся, почему с прошлого раза пошло всего лишь несколько минут. У меня уже большой опыт: я смотрю на эти часы почти четыре года, но их медлительность не перестает удивлять. Если я когда-нибудь услышу, что мне осталось жить один день, я проведу его в священных стенах школы Уинтер-парк, где, как всем известно, один день растягивается на целую тысячу лет.

Хотя я и был уверен в том, что третий урок будет длиться вечность, он все же закончился. И мы с Беном пошли в столовку. Радар обедал во время пятого урока, впрочем, как почти все наши общие друзья, так что мы с Беном обычно ели в одиночестве, только через пару стульев сидели знакомые ребята из драмкружка. В тот день мы оба выбрали мини-пиццу пепперони.

– Вкусно, – прокомментировал я.

Бен как-то задумчиво кивнул.

– Что такое? – поинтересовался я.

– Нифё, – сказал он с набитым ртом. Потом проглотил. – Я знаю, что тебе это кажется глупостью, но я хочу на выпускной.

– Первое: мне это не кажется глупостью. Второе: если хочешь идти – иди. Третье: если я не ошибаюсь, ты даже и не пробовал никого пригласить.

– Я на физике Кэсси Задкинс пригласил. Записку ей написал.

Я вопросительно поднял брови. Бен достал из кармана шортов сложенный много раз клочок бумаги. Я развернул.

Бен,

Я бы с радостью, но меня уже пригласил Фрэнк. Извини!

К.

Я свернул листок и толкнул его обратно через стол. Помню, мы тут как-то в футбол бумажным шариком играли.

– Отстойно, – сказал я.

– Да, что уж.

Я вдруг ощутил всю тяжесть столовского шума, мы сами какое-то время сидели молча, а потом Бен взглянул на меня и сказал крайне серьезно:

– Уж в колледже я оторвусь. Про меня в Книге рекордов Гиннеса напишут: «Столько заек не было больше ни у кого».

Я захохотал. И вспомнил о родителях Радара, о которых *действительно* было написано в Книге рекордов Гиннеса, но тут вдруг заметил, что к нам подошла хорошенькая афроамериканка с короткими, торчащими в разные стороны дредами. До меня дошло, что это Энджела, подруга Радара – надо полагать.

– Привет, – сказала она, обращаясь ко мне.

– Привет, – ответил я.

Мы с ней на некоторые уроки ходили вместе, так что я ее немного знал, но раньше мы в коридоре даже не здоровались. Я жестом предложил ей сесть. Она быстро подтащила стул и поставила его во главе стола.

– Ребят, вы, наверное, знаете Маркуса лучше всех тут, – сказала она, назвав Радара по имени. Она наклонилась к нам, поставив локти на стол.

– Да, поганая обязанность, но кто-то же должен ее исполнять, – улыбаясь, ответил Бен.

– Как вы думаете, может, он, гм, меня стесняется?

Бен рассмеялся.

– Что? Нет, конечно, – ответил он.

– По сути, – добавил я, – это *ты* должна стесняться *его*.

Она улыбнулась и закатила глаза. Видно, что эта девчонка привыкла к комплиентам.

– Но он меня с собой никогда не зовет, когда вы идете куда-то вместе.

– А-а-а, – до меня наконец дошло. – Это потому что он *нас* стесняется.

Энджелу это заявление рассмешило.

– Вы вроде бы нормальные.

– Просто ты не видела, как Бен засасывает «Спрайт» носом, а потом выплевывает его изо рта, – пояснил я.

– Я – психбольной газировочный фонтан, – с невозмутимым видом добавил Бен.

– Нет, серьезно, вы бы разве не волновались, если бы с вами так себя вели? Мы уже пять недель встречаемся, а он меня даже к себе домой еще не приглашал.

Мы с Беном со знанием дела переглянулись, я изо всех сил напрягся, чтобы не заржать.

– Что такое? – не поняла она.

– Да ничего, – сказал я. – Энджела, честное слово, если бы он заставлял тебя тусоваться с нами и постоянно водил к себе домой...

– Тогда это бы значило, что ты ему точно *неприятна*, – закончил Бен.

– У него что, родители ненормальные?

Я и не знал, как ответить на такой вопрос по-честному.

– М-м, да нет. Они классные. Просто, наверное, чрезмерно стараются его от всего оберегать.

– Оберегать, ага, – как-то слишком поспешно подтвердил Бен.

Она улыбнулась и встала, сказав, что ей надо еще с кем-то поздороваться, пока обед не закончился.

Бен заговорил, только когда она отошла достаточно далеко:

– Она просто отпадная.

– Сам вижу, – согласился я. – Интересно, может, нам ее вместо Радара к себе взять?

– Ну, она, наверное, в компах не так рубит. А нам нужен человек, который в них разбирается. И в «Восстании», наверно, полный ноль. – [Это была наша любимая видеоигра.]

– Кстати, – добавил Бен, – круто ты придумал насчет того, что предки его «оберегают».

– Ну, не мне же ей все рассказывать.

– Интересно, скоро ли она сама увидит Резиденцию и Музей Команды Радаров?

Наш перерыв уже почти закончился, мы с Беном поставили подносы на ленту. Ту самую ленту, на которую пару лет назад меня швырнул Чак Парсон, после чего она увезла мое брэнное тело в чистилище, в котором в нашей школе мылась посуда. Мы направились к шкафчику Радара. Он прилетел прямо после первого звонка.

– Я на «Основах управления государством» пришел к выводу, что готов в прямом смысле, то есть буквально, отсосать у осла, если мне до конца семестра разрешат на них больше не ходить, – сообщил он.

– Да уж, ослиный член тебя основам управления научит, – ответил я. – Кстати, я тебе подкину еще один повод обедать с нами: сегодня к нам присоединилась Энджела.

Бен ухмыльнулся и добавил:

– Да, она интересовалась, почему ты ее домой еще ни разу не пригласил.

Набирая код на замке, Радар тяжело вздохнул. Он так долго выпускал из легких воздух, что я был готов к тому, что он может потерять сознание.

– Паршиво, – наконец высказался он.

– Тебя что-то смущает? – с улыбкой спросил я.

– Заткнись, – ответил он, пихнув меня локтем в живот.

– У тебя хороший дом, – не унимался я.

– Нет, серьезно, – добавил Бен, – она милая девчонка. Я не понимаю, почему бы тебе не познакомить ее с родителями и не показать ей Радар-хаус.

Радар забросил в шкафчик учебники и громко хлопнул дверцей. Даже общий гул в коридоре ненадолго утих, когда он, посмотрев на небеса, возопил:

– Я НЕ ВИНОВАТ, ЧТО У МОИХ РОДИТЕЛЕЙ САМАЯ КРУПНАЯ В МИРЕ КОЛЛЕКЦИЯ ЧЕРНЫХ САНТА-КЛАУСОВ!

Я уже, наверное, в тысячный раз слышу эту фразу из уст Радара: «самая крупная в мире коллекция черных Санта-Клаусов» – но мне до сих пор жутко смешно. Все дело в том, что это еще и правда. Помню, как я пришел к нему впервые. Мне было лет тринадцать, наверное. Случилось это весной, через несколько месяцев после Рождества – но на всех подоконниках стояли чернокожие Санта-Клаусы. На перилах висели бумажные фигурки. Обеденный стол был украшен свечами в виде черных Санта-Клаусов. Над камином висела картина маслом на ту же тему, и сам камин был уставлен фигурками чернокожих Санта-Клаусов. Из Намибии родители Радара привезли автомат с конфетками в виде черного Санта-Клауса. Черный пластмассовый Санта с подсветкой, который со Дня благодарения до Нового года стоял во дворе возле почтового ящика, остальное время проводил в гостевой ванной – оклеенной обоями, декорированными Санта-Клаусами с помощью губки-трафарета и черной краски. И все комнаты – за исключением Радаровой – служили прибежищем многочисленным Сантам-неграм: пластмассовым, гипсовым, мраморным, глиняным, деревянным, резиновым, тряпичным. Всего их было тысяча двести штук. На их доме даже висела табличка, сообщающая, что по официальному признанию Сообщества любителей Рождества здесь живут истинные ценители.

– Чувак, ты должен ей признаться, – сказал я. – Просто скажи: «Энджела, ты мне очень нравишься, и ты должна кое-что обо мне знать: когда мы придем ко мне и начнем целоваться, на нас будут смотреть две тысячи четыреста глаз тысячи двухсот чернокожих Санта-Клаусов».

Радар провел рукой по своему ежику:

– Да, я с ней поговорю, хотя не уверен, что воспользуюсь твоей формулировкой.

Я пошел на «Основы управления государством», а Бен на свой дополнительный курс о дизайне видеоигр. Еще два урока я наблюдал за часами, а когда все наконец завершилось, мою душу переполнило облегчение: уже меньше чем через месяц школа останется позади, и кажется, что каждый день теперь проходит вхолостую.

Вернувшись домой, я съел два бутерброда с арахисовым маслом и вареньем. Потом посмотрел покер по ящику. В шесть вернулись родители, обнялись сами и обняли меня. Потом у нас был настоящий ужин – макаронная запеканка. Они спросили, как школа. Потом подивились, как хорошо меня воспитали. Рассказали, что им пришлось целый день работать с людьми, которым достались не такие прекрасные родители, как мне. Потом они ушли смотреть телевизор, а я пошел к себе – проверить почту. Немного времени уделил английскому, работе на тему «Великого Гэтсби», почитал «Записки федералиста»¹ в качестве подготовки к экзамену по «Основам управления государством». Початился с Беном, потом в сеть вышел и Радар. За время разговора фраза «самая крупная в мире коллекция черных Санта-Клаусов» использовалась им четырежды, и я каждый раз смеялся. Я сказал, что рад за него – ну, что у него подружка завелась. Он ответил, что лето наверняка получится отличное. Я согласился. Было пятое мая, но это ни о чем не говорило, потому что все мои дни отличались греющим душу сходством. Мне это всегда нравилось: рутина доставляла мне удовольствие. Я любил скучную жизнь. Меня этот факт не огорчал, он просто был фактом. Так что это вполне мог быть любой день, не обязательно пятое мая – точнее, любой до того самого момента, когда незадолго до полуночи Марго Рот Шпигельман открыла мое окно, в

¹ Сборник статей в поддержку ратификации Конституции США, выходил в 1787–88 гг.

котором больше не было сетки. Впервые с тех пор как велела мне закрыть его девять лет назад.

2

Услышав, как открывается окно, я резко повернулся. На меня смотрели синие глаза Марго. Поначалу я только их и увидел, но, привыкнув к темноте, разглядел, что у нее на лице черный грим, а одета она в черную кофту с капюшоном.

– У тебя тут что, секс по Интернету?

– Я с Беном разговариваю.

– Это не ответ на мой вопрос, извращенец.

Я неловко засмеялся, потом подошел к окну, опустил на колени, и мое лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Марго. Я и предположить не мог, для чего вдруг она пришла ко мне вот так вот.

– Чем обязан? – поинтересовался я.

Мы с ней, наверное, все еще были в хороших отношениях, но не настолько хороших, чтобы притащиться среди ночи с черной краской на лице. Не сомневаюсь, что для этого у нее были друзья и поближе. Я – не из их числа.

– Хочу тачку твою взять, – объяснила она.

– У меня нет своей машины, – ответил я. Вообще это для меня была больная тема.

– Тогда – тачку твоей мамы.

– У тебя же своя есть, – напомнил я.

Марго сказала «пффф».

– Да, только предки забрали у меня ключи и спрятали в сейф, который стоит у них под кроватью, а в их комнате спит Мирна Маунтвизель. – [Так звали их собаку.] – А у нее случается сердечный приступ, как только она меня видит. Короче, я никак не могу туда пробраться, выкрасть сейф, вынуть ключи и поехать куда-нибудь на собственной тачке. Дело в первую очередь, в том, что, стоит мне приоткрыть дверь, как Мирна начнет брехать, словно полоумная. В общем, как я уже сказала, мне нужна машина. Более того, мне нужно, чтобы ее вел ты, потому что сегодня у меня по плану одиннадцать пунктов и для реализации по меньшей мере пяти из них мне требуется сообщник.

Если не смотреть на Марго пристально, от нее оставались лишь сверкающие в темноте глаза. Но я сконцентрировался и разглядел овал ее лица – грим оказался еще влажным. Скулы и подбородок образовывали треугольник, на черных как уголь губах едва обозначилась улыбка.

– Уголовно наказуемые пункты там есть?

– Ем. Напомни-ка, взлом и проникновение наказуемы?

– Нет, – твердо сказал я.

– «Нет» в смысле «не наказуемы» или ты отказываешься мне помочь?

– Отказываюсь. У тебя же вроде есть шестерки, из них тебя никто покатавать не может?

Например, Лэйси и/или Бекка всегда были готовы ей услужить.

– Дело в том, что отчасти из-за них все эти проблемы и возникли, – объяснила Марго.

– Какие проблемы?

– Целых одиннадцать, – беспокойно напомнила она.

– Я закон нарушать не буду.

– Богом клянусь, тебе ничего противозаконного делать не придется.

В тот самый момент у дома Марго зажглись яркие фонари. Она мигом влетела в мое окно, перекувыркнувшись через подоконник, и закатилась под кровать. Через несколько секунд в патио показался ее отец.

– Марго! – кричал он. – Я тебя видел!

Из-под кровати донесся приглушенный вздох:

– О, господи. – Марго поспешно выбралась, вскочила и ответила ему: – Пап, ну хватит

уже. Я просто с Квентином зашла поболтать. Ты же сам всегда говоришь, что он мог бы оказать на меня расчудесное влияние и все такое.

– Так ты просто болтаешь с Квентином?

– Да.

– А лицо почему черное?

Марго колебалась лишь тысячную долю секунды:

– Пап, для этого потребуется длинную историю рассказывать, а ты устал наверняка, так что иди...

– В дом! – громогласно рявкнул он. – Сию же минуту!

Марго схватила меня за майку, прошептала: «Вернусь через минуту», и полезла через окно.

Как только она ушла, я схватил со стола ключи от машины. *Ключи* – мои, а вот машина, к сожалению, не моя. На шестнадцатый день рождения родители подарили мне крошечную коробочку, я сразу же понял, что там ключи от тачки – и чуть не обделался от радости, поскольку они мне до этого неустанно твердили, что денег на машину для меня у них нет. Но когда мне вручили крохотную коробочку в обертке, я сразу понял, что они просто дурили мне голову, а теперь все же дарят мне тачку. Я сорвал оберточную бумагу и открыл коробочку. Да, там, действительно, оказался ключ.

Пристально рассмотрев его, я понял, что он от «крайслера». От минивена. Того самого минивена компании «Крайслер», на котором ездила моя мама.

– Вы дарите мне ключ от вашей машины? – спросил я ее.

– Том, – сказала она отцу. – Я же говорила тебе, что он размечтается.

– Ой, не надо меня обвинять, – ответил отец, – ты просто пытаешься списать собственную фрустрацию на мой уровень дохода.

– Нет ли в твоей попытке наскоро проанализировать мое поведение некоторой скрытой агрессии?

– А нет ли скрытой агрессии в риторических обвинениях в скрытой агрессии по умолчанию? – возразил папа, и этот диалог затянулся еще на некоторое время.

Вкратце итог был таков: я мог наслаждаться крутизной одной из последних моделей фирмы «Крайслер» за исключением тех случаев, когда на минивене уезжала мама. А поскольку она каждый день с утра пораньше укатывала на работу, я мог на нем ездить только по выходным. Ну да, по выходным и среди ночи, будь оно неладно.

Марго отсутствовала дольше обещанной минуты, но не намного. Однако пока ее не было, я снова начал колебаться.

– Мне же завтра в школу идти, – сказал я ей.

– Да я знаю, – ответила Марго. – Завтра учебный день и послезавтра тоже, но если об этом много думать, девичьи мозги не выдержат. В общем, да. Завтра на уроки. Поэтому надо спешить, чтобы к утру успеть вернуться.

– Не знаю.

– Кью, – сказала она, – Кью, дорогой. Мы же с тобой старые друзья?

– Мы не друзья. Мы просто соседи.

– Господи, Кью. Я что, недостаточно хорошо к тебе отношусь? Разве я не велела своим мальчикам на побегушках быть с тобой помягче?

– Гм, – с сомнением ответил я, хотя всегда подозревал, что это именно благодаря Марго Чак Парсон и его дружки нас не трогают.

Она моргнула – оказалось, что у нее даже веки накрашены.

– Кью, пора идти.

Вот я и пошел. Выскользнув из окна, мы, пригибаясь, побежали вдоль стены моего дома. Когда мы добрались до минивена, Марго шепотом велела мне не закрывать дверцы – слишком много шума. Я переключился на нейтраль, подтолкнул машину, и она покатила

по дорожке. Миновав два дома, я наконец завел двигатель и включил фары. Мы закрыли дверцы и поехали по серпантину бесконечности Джефферсон-парка; построенные тут домики до сих пор казались новехонькими пластмассовыми модельками, это была такая игрушечная деревенька, населенная десятками тысяч настоящих людей.

Марго заговорила:

– Дело в том, что на самом деле им *пофиг*; им просто кажется, будто мои выходки очерняют их в чьих-то там глазах. Ты вот знаешь, что он сейчас сказал? «Свою жизнь можешь портить сколько хочешь, не мое дело, но не ставь нас в неловкое положение перед Джейкобсенами – они наши *друзья*». Смехотворно просто. Ты не представляешь себе, какие препятствия они чинят, чтобы я из этого сраного дома не вышла. Помнишь, как в фильмах про побеги из тюрьмы скомканную одежду кладут под одеяло, чтобы сразу не заметили?

Я кивнул.

– Так вот, моя мама поставила в моей комнате радио-няню, чтобы слышать, как я ночью сплю-дышу. Мне пришлось дать Руфи пять баксов, чтобы она легла спать в моей комнате, а под *ее* одеяло я запихала кучу одежды. – [Руфи – это младшая сестренка Марго.] – Это, блин, хуже, чем «*Миссия невыполнима*». Раньше-то я могла сбежать просто так, как любой нормальный американский подросток – вылезти из окна и спрыгнуть с крыши. Но сейчас я как под гнетом фашизма живу.

– Так ты мне скажешь, чем займемся?

– Сначала едем в «Пабликс». Ты должен будешь закупить продуктов, зачем – позже объясню. А потом – в «Уол-март».

– Мы что, по всем крупным торговым точкам центральной Флориды проедем? – спросил я.

– Сегодня, милый, мы компенсируем много зла, учиненного другими, и сами нанесем этим другим немного вреда. Первые станут последними, последние станут первыми, а кроткие немного земли унаследуют. Но прежде чем мы начнем творить радикальные перемены в мире, надо заехать в магазин.

Как раз в этот момент я подъезжал к «Пабликсу», на стоянке практически никого не было.

– Слушай, – спросила она, – сколько у тебя при себе денег?

– Ноль долларов ноль центов, – ответил я.

Я выключил двигатель и посмотрел на нее. Марго сунула руку в карман своих темных обтягивающих джинсов и вытащила несколько сотен.

– К счастью, мне Господь послал, – сказала она.

– Что это за фигня?

– Деньги на бат-мицву² Руфи, блин. Мне их брать не разрешается, конечно, но я знаю родительский пароль, он у них один на всё: «mugnamountw3az31». Так что я сняла.

Я принялся хлопать глазами, чтобы скрыть охвативший меня ужас, но она его все равно заметила и ухмыльнулась.

– По сути дела, – сказала Марго, – это будет самая лучшая ночь в твоей жизни.

3

Особенность моего общения с Марго Рот Шпигельман заключается в том, что я могу лишь слушать, как она говорит, а когда она замолкает, побуждать ее сказать что-нибудь еще, по тем причинам, что, во-первых, я, неоспоримо, в нее влюблен, во-вторых, она невероятна во всех отношениях, и в-третьих, она сама никогда ни о чем меня не спрашивает, так что избежать молчания можно, только задавая ей вопросы.

В общем, там, на стоянке «Пабликса», она сказала:

² Обряд достижения еврейской девочкой религиозного совершеннолетия.

– Так, я составила тебе список. Если что будет не ясно, звони мне на мобильник. Кстати, да, я позволила себе сунуть кое-что в твой минивен заблаговременно.

– Что? Еще до того как я на все это подписался?

– Ну да. Формально так и есть. Короче, будут вопросы, звони, но вазелина бери большую банку, больше твоего кулака. Там есть такие баночки-малышки, есть баночки для мамочек чуть побольше, а есть серьезные банки для огромных жирных мужиков – вот нам надо такую. Если большой не будет, бери штуки три средних. – Марго вручила мне список и одну сотню, сказав: – Этого должно хватить.

Вот этот список.

*3 целые Зубатки – в Отдельной упаковке
«Вит» (Это крем, чтобы ноги Брить, Только Без лезвия
В отделе Девчачьей косметики)
Вазелин
упаковка шесть банок, «Маунтин дью»
букет Тюльпанов
одна Бутылка Боды
Платочки
одна Банка синей краски, Спрей*

– В интересных местах ты слова с большой буквы пишешь, – сказал я.

– Да, я серьезно верю, что заглавные буквы надо ставить где попало. Правила слишком несправедливы к словам, стоящим в серединке.

Я не знаю, что полагается говорить кассирше, когда предстаешь перед ней в полпервого ночи с тринадцатью фунтами зубатки, «Витом», огромной банкой вазелина, упаковкой «Маунтин дью», банкой синей краски и букетом тюльпанов.

Я сказал:

– Все, на самом деле, не так странно.

Женщина откашлялась и, не глядя на меня, пробормотала:

– Нет, все же странно.

– Я, правда, не хочу вляпаться в неприятности, – сказал я, вернувшись в минивен.

Марго в это время убирала с лица черный грим с помощью платочков и воды из бутылки. Получается, он был нужен только для того, чтобы выбраться из дома.

– Меня берут в Дьюк только с условием, что на мне не будет ни одного ареста.

– Кью, какой же ты нервный.

– Я лишь прошу: постарайся, чтобы у нас не было неприятностей, – сказал я. – Я, конечно, не прочь повеселиться и все дела, но не за счет моего, гм, будущего.

Марго подняла на меня взгляд – лицо было уже почти чистое – и едва заметно улыбнулась:

– Поразительно, неужели тебе вся эта ерунда реально безразлична?

– Гм?

– Колледж: возьмут тебя туда или нет. Проблемы: возникнут они или нет. Школа: будут у тебя пятерки или тройки. Карьера: сделаешь ты ее или не сделаешь. Дом: большой или маленький. Деньги: есть или нет. Все это так тоскливо!

Я попытался возразить, сказать, что ей самой, очевидно, тоже не совсем наплевать на эти вопросы, она же и сама учится хорошо, и в университет приличный ее берут, да еще и на курс, куда поступают только ребята с выдающимися способностями.

Но Марго прозаично перебила:

– «Уол-март».

Туда мы пошли вместе и взяли «кочергу», так называют блокиратор руля машины.

Когда мы шагали через детский отдел, я поинтересовался у Марго, зачем нам «кочерга».

Но вместо ответа на мой вопрос она произнесла очередной безумный монолог:

– Ты в курсе, что длительное время, то есть почти всю историю человечества, средняя продолжительность жизни составляла меньше тридцати лет? Получается, нормальная взрослая жизнь длилась лет десять, так? О пенсии вообще никто не задумывался. О карьере тоже. Никто вообще ничего *не планировал*. На это времени ни у кого не было. В смысле, на будущее. А потом вдруг продолжительность жизни принялась расти, у народа появилось будущее, и теперь люди почти все время только о нем и думают. О будущем, то есть. И вся жизнь получается как бы *там*. Ты делаешь что-то только ради будущего. Ты оканчиваешь школу – чтобы попасть в колледж, чтобы потом работа была получше, чтобы дом купить побольше, чтобы денег хватило своих детей в колледж отправить, чтобы и у них потом работа была получше, чтобы они могли дом купить побольше, чтобы и у них хватило денег своих детей отправить в колледж.

Мне казалось, что она несет эту чушь просто, чтобы не отвечать на заданный мной вопрос. Так что я спросил еще раз:

– Зачем нам «кочерга»?

Марго мягко похлопала меня по спине:

– Ты все поймешь раньше, чем наступит утро.

И тут Марго увидела клаксон. Как только она вынула его из коробки, я сразу же сказал:

– Нет!

А она спросила:

– Что значит «нет»?

– Это значит не надо дудеть в клаксон.

Но она начала сигналить, не успел я еще добраться до первой буквы «д» в слове «дудеть» – он завизжал так пронзительно, что у меня чуть не лопнула голова, а Марго говорит:

– Извини, я не расслышала. Что ты сказал?

Я ответил:

– Прекрати си...

И она снова меня заглушила.

Тут к нам подошел работник «Уол-марта», парнишка едва старше нас, и сказал:

– Послушайте, тут нельзя сигналить.

И Марго как будто бы даже искренне ответила:

– Простите, я не знала.

И он:

– Да все нормально. Я-то лично не против.

На этом разговор вроде бы закончился, но парень продолжал на нее пялиться; я его, честно говоря, не виню: от Марго действительно сложно отвести взгляд.

Потом он спросил:

– Ты сегодня что делаешь?

– Да ничего особого, – ответила Марго. – А ты?

– У меня в час смена заканчивается, и я двину в бар в Орендже. Если есть желание, присоединяйся. Только брата твоего придется домой отправить, там документы строго проверяют.

Кого-кого?

– Я ей не брат, – сказал я, глядя на его кеды.

Но Марго приняла его игру.

– Он *двоюродный*, – соврала она.

Потом вдруг подошла ко мне бочком и обняла за талию – я каждый ее пальчик чувствовал. И тут вдруг она добавила:

– *И к тому же* мы любовники.

Парень выпучил глаза и ушел, но рука Марго на какое-то время задержалась у меня на

поясе, и я, воспользовавшись случаем, тоже ее обнял.

– Я действительно люблю тебя больше других своих двоюродных сестер, – сообщил я. – Марго улыбнулась, легонько толкнула меня бедром и ловко выкрутилась из моих объятий.

– А то я не знаю.

4

Мы мчали по I-4, которая, слава богу, оказалась пуста, я следовал указаниям Марго. Согласно часам на приборной панели, было 01:07.

– Красиво, да? – сказала она. Марго смотрела не на меня, а в окно, поэтому ее лица я почти не видел. – Мне нравится гонять на большой скорости в свете фонарей.

– Свет. Видимое напоминанье о Свете Невидимом.

– Здорово, – похвалила Марго.

– Это Элиот. Ты же тоже читала. В прошлом году на английском проходили.

Я сам, честно говоря, весь стих не осилил, но куски, которые прочел, осели в памяти.

– А, так это цитата, – протянула она разочарованно.

Рука Марго лежала на центральной панели. Я тоже мог бы свою положить на центральную панель, и тогда наши руки оказались бы в одном месте в одно и то же время. Но я этого не сделал.

– Повтори-ка еще раз, – попросила она.

– Свет. Видимое напоминанье о Свете Невидимом.

– Да. Черт, красиво все же сказано. Может, это и на твою подругу подействует.

– Бывшую подругу, – поправил я.

– Сьюзи тебя бросила? – спросила Марго.

– С чего ты взяла, что это *она* меня бросила?

– Ой, извини.

– Хотя так оно и было, – признался я, и Марго расхохоталась.

Мы разошлись уже несколько месяцев назад, но я не винил Марго за то, что она не следила за драмами в низших сословиях. То, что происходит в репетиционной, редко выплескивается за ее стены.

Марго положила на приборную панель ноги и принялась шевелить пальчиками в такт своим словам. В ее речи всегда слышался отчетливый ритм, как будто она стихи читала.

– Эх, ну да, жаль, конечно. Но я тебя понимаю. Мой красавчик, оказывается, уже давным-давно трахается с моей лучшей подружкой.

Я повернулся, но лицо Марго было закрыто волосами, и я не мог понять, не прикалывается ли она.

– Серьезно?

Она промолчала.

– Я же вас видел сегодня вместе, ты так весело смеялась.

– Не знаю, о чем ты. Мне стало об этом известно только сегодня, перед первым уроком, потом я вижу их: стоят, болтают, я разоралась как ненормальная, Бекка бросилась к Клинту Боэру в объятия, а Джейс встал, как идиот, рот разинул, и из него вонючие от табака слюни так и текут.

Да, значит, сцену в коридоре я интерпретировал неверно.

– Странно. Утром ко мне подкатил Чак Парсон с вопросом, что мне известно про тебя и Джейса.

– Ну, Чак, наверное, просто делает, что ему приказывают. Может, Джейс велел ему выяснить, кому об этом было известно.

– Господи, зачем ему Бекка-то понадобилась?

– Ну, интересной личностью или щедрой души человеком ее никто не считает, так что, наверное, просто потому что у него на нее стоит.

– Да она не красивее тебя, – вылетело у меня.

– Меня вообще всегда удивляло, что кто-то начинает с кем-то мутить только потому, что ему внешность нравится. Это все равно, что хлопья на завтрак не по вкусу выбирать, а по цвету упаковки. Кстати, нам до следующей развязки. Но я не то чтобы хорошенькая, по крайней мере, если с близкого расстояния смотреть. Как правило, чем ближе человек ко мне подходит, тем менее привлекательной я кажусь.

– Это... – начал было я.

– Да и фиг с ним, – оборвала она.

Мне показалось несправедливым, что козел вроде Джейсона Ворзингтона может заниматься сексом и с Марго, и с Беккой, в то время как у довольно-таки приятных людей вроде меня нет ни Марго, ни Бекки – да и вообще никого нет, если уж на то пошло. С другой стороны, я предпочитаю считать себя человеком, который не стал бы связываться с Беккой Эррингтон. Она хоть и сексапильная, но, первое – убийственно неинтересная, и второе – совершенная, неподдельная, отъявленная стерва. Мы с ребятами, которые тусуются в репетиционной, давно заподозрили, что у Бекки такая роскошная фигура потому, что она ничего не ест, кроме душ маленьких котят, а во сне видит только нищих сироток.

– Бекка, в общем-то, отстойная, – сказал я, пытаясь вернуться к этой теме.

– Да, – ответила Марго, глядя в окно.

Ее волосы блестели в свете фар встречных машин. Я вдруг подумал, не плачет ли она, но она практически тут же продемонстрировала, что я ошибся, молниеносно натянув капюшон и вытащив «кочергу» из пакета.

– Ладно, мы все равно повеселимся, – воскликнула Марго, срывая упаковку.

– Мне все еще нельзя узнать, куда мы едем?

– К Бекке, – ответила она.

– Ох, – сказал я, останавливаясь перед знаком «стоп».

Я включил стояночный тормоз и собрался сообщить Марго, что отвезу ее домой.

– Никаких правонарушений. Слово даю. Надо найти тачку Джейса. Бекка живет на следующей улице справа, но он паркуется где-то в другом месте, потому что ее предки дома. Давай на параллельной посмотрим. Это первое, что в голову приходит.

– Ладно. Но потом – домой.

– Нет, потом – пункты со второго по одиннадцатый.

– Марго, это плохая идея.

– Поезжай, а, – сказала она, и я повиновался.

Мы нашли «лексус» Джейса в тупике в двух улицах от дома Бекки. Я даже остановиться окончательно не успел, а Марго уже выскочила с «кочергой» в руках. Она открыла водительскую дверь «лексуса», села за руль и принялась устанавливать «кочергу». А потом аккуратно захлопнула дверь.

– Этот придурок никогда тачку не закрывает, – буркнула Марго, забираясь обратно в мой минивен.

Ключ от «кочерги» она положила в карман. Потом взъерошила мне волосы.

– Часть первая выполнена. Теперь едем к Бекке.

По пути Марго посвятила меня во второй и третий пункты плана.

– Гениально, – признал я, хотя внутри у меня все бурлило от волнения.

Свернув на улицу, на которой жила Бекка, я остановился в двух домах от ее хором. Марго полезла за сиденья и вернулась с биноклем и цифровым фотоаппаратом. Она посмотрела в бинокль, потом дала его мне. Я увидел, что в подвале горит свет, но движения никакого не заметил. Я, в общем, очень удивился, что в доме вообще *есть* подвал – почти на всей территории Орlando раз копнул, и сразу вода.

Я достал из кармана свой телефон и набрал продиктованный Марго номер. Один гудок, второй, потом сонный голос произнес: «Алле».

– Мистер Эррингтон?

Марго хотела, чтобы позвонил именно я, потому что моего голоса никто не узнает.

– Кто это? И сколько вообще времени?

– Сэр, думаю, вам следует знать, что в настоящий момент ваша дочь занимается сексом с Джейсоном Ворзингтоном в подвале вашего дома. – Я повесил трубку.

Пункт Второй: выполнен.

Мы с Марго выпрыгнули из минивена и, добежав до дома Бекки, легли на живот прямо у изгороди. Она отдала мне фотоаппарат. Загорелся свет в спальне наверху, потом на лестнице, потом в кухне. А потом наконец и на лестнице, ведущей в подвал.

– Вон он, – шепнула Марго.

Я понял, о чем она, только когда краем глаза заметил, как из подвального окна вылезает полуголый Джейсон Ворзингтон. Он понесся через газон в одних семейных трусах, и, когда достаточно приблизился ко мне, я подскочил и сфотографировал его, тем самым завершив и Третий Пункт. Вспышка фотоаппарата, полагаю, удивила нас обоих. Около секунды Джейсон напряженно смотрел в мою сторону, в эту секунду мои нервы накалились от напряжения, а потом бросился в темноту.

Марго подергала меня за штанину джинсов, я посмотрел вниз: она лыбилась, как полоумная. Я помог ей подняться, и мы побежали к машине. Когда я вставил ключ в замок зажигания, она сказала:

– Покажи фотку.

Я отдал ей фотоаппарат, и мы вместе уставились на экран, буквально соприкасаясь головами. Увидев бледное лицо Джейсона Ворзингтона, который явно был в шоке, я заржал.

– О, боже, – воскликнула Марго и ткнула в экран пальцем.

Похоже, Джейсон так спешил, что своего маленького дружка в трусы спрятать не успел, и у нас имелось цифровое изображение его достоинства, которое можно будет демонстрировать потомкам.

– Это можно назвать пенисом, – сказала Марго, – с такой же натяжкой, с какой Род-Айленд можно назвать штатом. Может, он чем-то там и знаменит, но очень уж крошечный.

Я снова посмотрел на дом и увидел, что свет в подвале больше не горит. Я вдруг поймал себя на мысли, что мне немного даже жаль Джейсона: ему не повезло с пенисом, – такой крошечный – да еще и бывшая девушка гениальной мстительницей оказалась. Но, с другой стороны, в шестом классе Джейс пообещал, что не будет заламывать мне руки, если я съем червяка, я съел, а он мне по морде дал. Так что я не слишком долго ему сочувствовал.

Потом я повернулся к Марго: она смотрела на дом в бинокль.

– Теперь нам туда, – объявила она. – В подвал.

– Что? Зачем?

– Четвертый Пункт. Выкрасть его одежду, на случай если он попытается за ней вернуться. Пятый Пункт. Оставить Бекке рыбку.

– Нет.

– Да. И сейчас же, – сказала она. – На нее сейчас там, наверху, орут родители. Но длинная ли будет лекция? Что они ей могут сказать? «Нехорошо трахаться в подвале с парнем Марго». Все, одно предложение, по сути. Так что надо поторопиться.

И она выпрыгнула из машины с баллончиком краски в одной руке и с рыбиной в другой.

Я сказал шепотом:

– Это плохая идея, – но все равно пошел за ней, так же пригибаясь к земле, пока не добрался до незакрытого подвального окна.

– Я первая, – сказала Марго и полезла в окно ногами вперед.

Когда она уже наполовину скрылась в подвале, я спросил:

– Может, я просто на стреме постою?

– Нет, затаскивай свою тощую задницу сюда, – ответила она, и мне снова пришлось повиноваться.

Я быстро собрал всю мужскую одежду, валяющуюся на светло-лиловом ковре. Джинсы с кожаным ремнем, шлепки, бейсболку нашей школьной команды «Дикие коты», светло-голубую тенниску. Когда я повернулся к Марго, она сунула мне завернутую в бумагу рыбину и фиолетовую ручку с блестками, которую взяла у Бекки. И велела писать:

Послание от Марго Рот Шпигельман: вашу дружбу скормили рыбам.

Марго завернула рыбину в шорты и спрятала ее в шкаф. Я вдруг услышал шаги наверху, похлопал Марго по плечу и уставился на нее, выпучив глаза. Но она лишь улыбнулась и неторопливо достала баллон с краской. Я полез в окно и, оказавшись снаружи, развернулся: Марго, опираясь о стол, спокойно встряхнула краску. А потом легким движением руки – как в фильмах про Зорро – вывела на стене над компьютерным столом Бекки букву «М».

Потом она протянула мне руки, и я вытащил ее из окна. Как только она оказалась на земле, мы услышали пронзительный вскрик: «АБРЦ!» Я поспешно схватил одежду и бросился наутек, Марго – за мной.

Я услышал, как распахнулась входная дверь Беккиного дома, но оборачиваться не стал, ни когда услышал громкое: «СТОЙ!», ни даже когда за спиной раздался выстрел.

Марго пробормотала: «Ружье» – но мне не показалось, что она из-за этого хоть как-то переживает, она как будто бы просто факт констатировала, – и я бросился через ограду головой вперед, решив не обегать ее сбоку. Не знаю, как я планировал приземляться, может, думал, что сальто получится сделать, но на самом деле рухнул на асфальт, упав на левое плечо. Слава богу, я плюхнулся на тряпки Джейса, которые хоть сколько-то смягчили удар.

Я выругался. Еще прежде чем я попытался встать сам, я почувствовал, что Марго пытается мне помочь, потом мы как-то оказались в машине, мне пришлось выезжать задним ходом с выключенными фарами – и я чуть не придавил почти что голого начинающего шорт-стопа из команды «Дикие коты». Бежал Джейс очень быстро, но, по-моему, как-то бесцельно. Когда мы проезжали мимо него, у меня случился еще один приступ жалости, который заставил меня приоткрыть окно и бросить в его сторону тенниску. К счастью, кажется, ни меня, ни Марго он не увидел, а минивен Джейс узнать не мог, потому что – не подумайте, конечно, что у меня это прямо такая уж больная тема – *в школу я на нем не езжу.*

– На фига ты это сделал? – спросила Марго, когда я включил фары – я уже ехал вперед, пытаюсь сориентироваться в лабиринте пригородных улиц.

– Мне жалко его стало.

– Его? За что? За то, что он изменял мне полтора месяца? Или за то, что он, может, дрянью какой-нибудь меня заразил? За то, что он мерзкий дебил, который всю свою жизнь будет незаслуженно счастлив и богат, являя собой пример вселенской несправедливости?

– Да он просто мне таким несчастным показался, – ответил я.

– Ну и ладно. Теперь едем к Карин. На Пенсильвания-стрит, у «Эй-Би-Си Ликорс».

– Не злись на меня, – сказал я. – В меня стреляли, черт возьми, за то, что я тебе помогал, так что не злись.

– Я НЕ ЗЛЮСЬ НА ТЕБЯ! – заорала Марго, а потом долбанула по приборной панели.

– Ну, судя по тону голоса...

– Я надеялась, что вдруг... ну, может, он мне не изменяет.

– Ой.

– Мне Карин рассказала. Я так полагаю, многим уже давно было известно. Но до нее мне никто не говорил. Я подумала, что, может, она просто решила воду взбаламутить.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Ага. Блин, поверить не могу, неужели мне не пофиг.

– У меня сердце просто бешено колотится, – сообщил я.

– Это верный признак того, что тебе весело, – ответила Марго.

Но мне не казалось, что это весело, мне казалось, что у меня сердечный приступ. Я заехал на стоянку «Севен-Элевена» и прижал палец к яремной вене, глядя, как на часах мигает «:». Посмотрев на Марго, я увидел ее возмущенный взгляд.

– У меня сердцебиение слишком учащенное, – объяснил я.
 – Да, я сама даже не припомню, когда меня в последний раз что-то так же взбудоражило. Адреналин прямо в горле, легкие расширяются.
 – Вдыхай через нос, выдыхай через рот, – посоветовал я.
 – Все твои мелочные страхи, это так...
 – Мило?
 – Это такие вещи принято называть инфантилизмом? – с улыбкой спросила она.
 Марго снова слезила назад и вернулась с сумочкой. «Сколько у нее там барахла?» – подумал я. Она извлекла из сумочки пузырек лака для ногтей – он был такого густого красного цвета, что казался практически черным.
 – Пока ты будешь в себя приходить, я ногти накрашу, – сообщила она, улыбаясь из-под челки. – Можешь не спешить.

Какое-то время мы так и сидели: она с пузырьком лака на приборной панели, я – с дрожащим пальцем на вене. Мне нравился этот цвет лака, а у Марго были красивые пальцы, очень тонкие, в отличие от всего остального: в других местах изгибы ее тела были плавными. Я думал, как хорошо было бы сплестись с ней пальцами. Вспомнил, как она положила мне руку на бедро в «Уол-марте» – казалось, что это было уже несколько дней назад. Пульс потихоньку стал замедляться. Я попытался убедить себя в том, что Марго права. Мне нечего бояться, в таком маленьком городке в такую тихую ночь.

5

– **Пункт Шесть**, – объявила Марго, как только мы двинулись дальше. Ее пальчики прыгали в воздухе, будто она играла на пианино. – Оставим у двери дома Карин цветы и записку с извинениями.

– Что ты ей сделала?
 – Ну, когда она рассказала мне про Джейса, я последовала традиции убивать гонца, принесшего дурную весть.
 – В смысле?

Мы остановились на светофоре, а рядом встала спортивная тачка с молодыми ребятами, мотор «крайслера» ревел, я словно собирался принять участие в гонках. Нет, если бы я надавил на газ, двигатель лишь жалобно бы заскулил.

– Ну, я точно не помню, как именно я ее назвала, но что-то в духе «сопливая, тошнотная, тупая сука с прыщавой спиной, кривыми зубами, толстой жопой и самой ужасной во всей центральной Флориде прической». Ну, в общем, я немало наговорила.

– У нее действительно прическа какая-то дурацкая, – согласился я.
 – *Знаю*. Но только это во всей моей тираде и было правдой. Когда обзываешь кого-нибудь, ни в коем случае не говори правды, потому что после этого сложно по-честному взять свои слова обратно, понимаешь? Ну, есть перышки, есть мелирование, а есть полосы, как у скунсов.

Когда я подъезжал к дому Карин, Марго снова полезла за сиденья и достала букет тюльпанов. К стеблю одного из них она скотчем прикрепила записку, сложив ее конвертиком. Как только я остановил машину, она отдала цветы мне, я по дорожке долетел до двери Карин, положил цветы и убежал обратно.

– **Пункт Семь**, – сказала она, когда я снова сел за руль, – отвезти рыбу милому мистеру Ворзингтону.

– Его, наверное, еще нет дома, – предположил я, и в моем голосе снова послышался легкий намек на жалость.

– Я надеюсь, что через недельку копы найдут его в какой-нибудь придорожной канаве: босого, обезумевшего и голого, – бесстрастно ответила Марго.

– Почаще напоминай мне никогда не переходить дорогу Марго Рот Шпигельман, –

буркнул я, и она рассмеялась.

– Да, все серьезно. Мы найдем на наших врагов настоящую бурю.

– На твоих врагов, – поправил я.

– Посмотрим, – поспешно ответила она, а потом вся встрепенулась и добавила: – Так, это я сама. У Джейсона очень хорошая охранный система. Еще один приступ панического расстройства нам не к чему.

– Ем, – ответил я.

Джейсон жил на той же улице, что и Карин, в супербогатом районе под названием «Касавилла». Там все дома в испанском стиле, красная черепица на крышах и все дела, только строили их не испанцы. А сам отец Джейсона – один из самых богатых застройщиков во Флориде.

– Огромные кошмарные дома для жирных уродов, – сказал я, когда мы въехали в Касавиллу.

– Да уж. Если я когда-нибудь буду жить в доме с семьей спальнями для семьи из трех человек, сделай одолжение и пристрели меня.

Мы остановились перед домом Джейсона, архитектурным монстром, похожим на гигантскую копию испанского ранчо, к которому зачем-то пристроили три дорические колонны. Марго взяла вторую рыбину, зубами сняла колпачок с ручки и накарябала так, что на ее почерк было совсем непохоже:

Любовь МШ Скармили рыбам.

– Не глуши мотор, – велела она и надела бейсболку Джейсона козырьком назад.

– Хорошо, – согласился я.

– Будь готов, – добавила Марго.

– Хорошо, – снова сказал я, почувствовав, что у меня опять участилось сердцебиение.

Вдох через нос, выдох через рот, вдох через нос, выдох через рот. Держа в руках рыбу и баллончик с краской, Марго распахнула дверь и бегом бросилась через огромный газон Ворзингтонов, потом спряталась за дубом. Она помахала мне рукой, я тоже помахал в ответ, потом она устрашающе глубоко вдохнула, надула щеки и выдохнула, снова повернулась к дому и бросилась вперед.

Но она успела сделать всего шаг, как вспыхнули огни, будто на городской елке, и завывла сирена. У меня мелькнула мысль о том, чтобы бросить Марго на произвол судьбы, но я все же остался на месте, вдыхая через нос, выдыхая через рот – а она упорно бежала к дому. Она швырнула рыбину в окно, но сигнализация визжала так громко, что звук бьющегося стекла я едва расслышал. А потом она – это же Марго Рот Шпигельман – аккуратно вывела букву «М» на неразбившейся части окна. И только после этого кинулась к машине, а я одну ногу держал над педалью газа, вторую – над педалью тормоза, и «крайслер» в тот момент стал настоящим породистым скакуном. Марго летела так быстро, что с нее соскочила бейсболка, а потом она запрыгнула в тачку, и я сорвался с места даже раньше, чем она закрыла дверцу.

Я притормозил у знака «стоп» в конце улицы, и Марго тут же запротестовала:

– Какого черта? Вперед, вперед, вперед.

– А, ну да. – Я уже забыл, что предосторожности в ту ночь – выброшенное на ветер время.

Все три остальных знака «стоп» в Касавилле я проехал без остановки и уже выехал на Пенсильвания-авеню, когда мимо нас пролетела полицейская тачка с включенной мигалкой.

– Блин, это было жестковато, – сказала Марго, – даже для меня. Используя твою шкалу накала страстей, у меня тоже слегка участился пульс.

– Боже мой, неужели ты не могла оставить ему рыбу в машине? Или у двери хотя бы?

– Блин, Кью, мы бурю на них должны наслать, а не прерывистые дожди.

– Умоляю, скажи мне, что Пункт Восьмой не такой ужасный.

– Не волнуйся. Восьмой – просто ребячество. Едем обратно в Джефферсон-парк. К

Лэйси. Ты ведь знаешь, где она живет?

Я, действительно, знал, хотя видит Господь, Лэйси Пембертон никогда в жизни не снизошла бы до того, чтобы пригласить меня к себе. Она жила с противоположной стороны Джефферсон-парка, в миле от меня, в хорошей квартире над магазином канцтоваров – в том самом квартале, где когда-то жил тот мертвый мужик. Я бывал в этом доме, на третьем этаже, у друзей моих родителей. И я знал, что сам дом стоит за двумя заборами с закрытыми калитками. Я понимал, что туда не залезть даже Марго Рот Шпигельман.

– Лэйси себя хорошо вела или плохо? – спросил я.

– Лэйси – о, *однозначно* плохо, – ответила Марго. Она опять смотрела в боковое окно и говорила, не глядя на меня, так что я едва ее слышал. – Вообще-то мы с ней с детского сада дружили.

– И?

– Она мне про Джейса не сказала. Но дело не только в этом. Я подумала и поняла, что она – просто *ужасная* подруга. Ну, вот например, как тебе кажется, я жирная?

– Бог мой, нет, конечно, – ответил я. – Ты... – Я хотел сказать: «...*не тощая, но в этом же и заключается твоя красота, в том, что ты на пацана не похожа*», но сдержался. – Ну, у тебя нет лишнего веса.

Она захохотала и махнула рукой, добавив:

– Да тебе просто нравится моя огромная задница.

Я на секунду отвлекся от дороги и посмотрел на Марго, чего делать не следовало, потому что она прочла все по моему лицу, на котором было написано: первое – я бы не назвал ее *огромной*; второе – она *действительно* довольно привлекательна. Но дело не только в этом. Ведь личность Марго неотделима от тела Марго. Невозможно видеть только что-то одно. Например, ты смотришь в ее глаза и видишь их синеву, а в синеве – саму Марго. В конечном счете нельзя сказать, что Марго Рот Шпигельман жирная или тощая, это все равно, что говорить, что Эйфелева башня – одинокая. Или не одинокая. Красота Марго – закрытый сосуд совершенства, который не имеет и не может иметь каких-либо изъянов.

– Но она всегда какие-то шпильки отпускает, – продолжила Марго. – «Я бы дала тебе эти шорты поносить, но на тебе, наверное, они будут не очень смотреться». Или: «Какая же ты дерзкая, я восхищаюсь, как ты заставляешь пацанов влюбляться в тебя исключительно за твой характер». Она все время на меня наезжает по-тихому. Я даже вспомнить не могу, когда она что-то обо мне без наезжания говорила.

– Без наезда.

– Спасибо большое, Занудный МакПрофессор Филоматики.

– Филологии.

– Бог мой, я тебя сейчас убью! – Марго смеялась.

Я обогнул Джефферсон-парк по периметру, чтобы не проезжать мимо наших с ней домов, на случай если вдруг наши предки встали и обнаружили, что нас нет. Мы проехали вдоль озера (Лейк Джефферсон), потом через Джефферсон-корт и оказались в типа «деловом центре» Джефферсон-парка, который пугал своей пустотой и тишиной. Перед японским рестораном мы увидели черный джип Лэйси. Мы остановились в нескольких домах поодаль, специально отыскав местечко без фонаря.

– Подай мне, пожалуйста, последнюю рыбину, – попросила Марго.

Я был рад от нее избавиться, потому что она уже начала вонять. Марго своим нормальным почерком написала на обертке:

твою дружбу С ми Скормили рыбам.

Мы шли, петляя, чтобы не попадать под фонари, стараясь при этом делать вид, что просто прогуливаемся, – насколько это возможно, когда у одного (у Марго) в руках огромная, завернутая в бумагу, рыбина, а у другого (у меня) баллончик с синей краской. Залаяла собака, мы оба замерли, но вскоре все стихло, и мы добрались до тачки Лэйси.

– Тут все не так просто, – объявила Марго, обнаружив, что машина заперта.

Она извлекла из кармана кусок проволоки, которая некогда была плечиками. Быстрее

чем за минуту она вскрыла замок. На меня ее мастерство произвело должное впечатление.

Марго залезла на водительское сиденье и открыла мне пассажирскую дверь.

– Помоги мне, – прошептала она.

Вдвоем мы подняли заднее сиденье. Марго бросила туда рыбину, потом досчитала до трех, мы одновременно выпустили сиденье из рук, и оно раздавило рыбу. Я услышал, с каким жутким звуком лопнули зубаткины кишки. Я позволил себе пофантазировать на тему, как будет пахнуть в джипе после того, как он денек постоит на солнышке, и, признаю, меня охватило настоящее благоговение.

Потом Марго попросила:

– Нарисуй «М» за меня на крыше.

Я раздумывал над этим меньше секунды: кивнув, я взобрался на задний бампер, наклонился и быстро вывел гигантскую «М» на крыше джипа. Я вообще-то плохо отношусь к вандализму. Но еще хуже я отношусь к Лэйси Пембертон – и это пересилило. Я спрыгнул с машины и бросился бежать по темной улице – едва дыша – обратно к минивену. Положив руки на руль, я увидел свой указательный палец – он был синим. Я поднял его, показывая Марго. Она улыбнулась и показала мне свой синий палец, а потом коснулась им моего. Я чувствовал прикосновение ее нежной синей кожи, и мой пульс отказался замедляться.

После довольно длительной паузы Марго сказала:

– Пункт Девятый – в центр.

Было 02:49. Никогда еще в своей жизни я не чувствовал себя таким бодрым.

6

Туристы в деловой центр Орlando никогда не ходят, потому что там ничего нет, только несколько небоскребов, принадлежащих банкам и страховым компаниям. Ночью и по выходным там вообще не бывает людей, разве что ничтожная кучка ничтожно жалких посетителей какого-нибудь ночного клуба. Пока я под руководством Марго вел машину по лабиринту улиц с односторонним движением, я заметил несколько человек, лежащих прямо на тротуаре или сидящих на скамейках, но все они спали. Марго открыла окно, и в машину ворвался тяжелый, теплый воздух – было как-то не по-ночному жарко. Ветер взъерошил ее соломенные волосы, набросил пряди на лицо. Даже несмотря на ее присутствие, среди этих огромных, пустых зданий я чувствовал себя одиноко, как будто наступил конец света, а я один выжил, и мир теперь принадлежит мне, весь этот огромный, бесконечный и волнующий мир – мой, и я – его исследователь.

– Мы просто так что ли катаемся? – поинтересовался я.

– Нет, – ответила она. – Я пытаюсь найти здание «СанТраста». Оно рядом со «Спаржей».

– А, – я в кои-то веки мог сказать что-то по делу, – это на юге.

Я проехал несколько поворотов, а потом свернул. Марго обрадовалась: перед нами действительно была «Спаржа».

Это, в общем-то, не стебель спаржи, и даже не из спаржи сделано. Это скульптура, жутко похожая на тридцатифутовую спаржу, хотя ее еще сравнивают с:

первое: зеленым стеклянным стеблем какого-то бобового;

второе: абстрактным деревом;

третье: монументом Вашингтона, только стеклянное, зеленое и еще страшнее;

четвертое: зеленым великанским фаллосом зеленого великана.

В общем, на «Башню Света» (официальное название скульптуры) это совершенно непохоже. Я остановился перед стояночным счетчиком и повернулся к Марго. Она смотрела вперед, вникуда, за «Спаржу» – я лишь на миг уловил этот пустой взгляд. И впервые подумал, что с ней может быть что-то не так. Не одно только «мой парень козел», а

посерьезней. Мне следовало сказать что-нибудь. Конечно же. Надо было сказать ей сначала одно, потом другое, потом третье. Но я сказал только это:

– Можно спросить, зачем ты меня к «Спарже» привезла?

Марго повернулась ко мне и улыбнулась. С ее красотой даже фальшивая улыбка выглядит убедительно.

– Надо проверить, как успехи. Лучше всего это делать с высоты «СанТраста».

Я закатил глаза:

– Ну нет. Ни в коем случае. Ты обещала без взломов и проникновений.

– А взлома не будет. Мы так проникнем. Там есть незапертая дверь.

– Марго, это смешно. Ко...

– Я признаю, что в течение сегодняшней ночи взломы и проникновения уже были. Мы проникли к Бекке. Взлом был у Джейса. И тут снова будет просто проникновение. Взлома и проникновения одновременно не было. Да, нас могут обвинить и во взломе, и в проникновении, но во «взломе с проникновением» – нет. Так что, считай, я свое обещание сдержала.

– Я не сомневаюсь, что у них тут охрана или что там, – ответил я.

– Есть охранник, – сказала она, отстегивая ремень безопасности. – Конечно же, как без этого. Его зовут Газ.

Мы вошли прямо в парадную дверь. За огромным полукруглым столом сидел молодой человек в форме охранника, которому, видимо, сильно хотелось отрастить эспаньолку, но не очень получалось.

– Привет, Марго, – поздоровался он.

– Как жизнь, Газ? – ответила она.

– А это что за пацан?

МНЕ СТОЛЬКО ЖЕ ЛЕТ, СКОЛЬКО И ЕЙ! – хотелось крикнуть мне, но я предоставил право вести переговоры Марго.

– Это мой коллега Кью. Кью, познакомься, это Газ.

– Как дела, Кью? – спросил он.

Знаешь, мы тут катаемся, разбрасываем по всему городу дохлую рыбу, бьем окна, фотографируем голых пацанов, врываемся в деловой небоскреб в пятнадцать минут четвертого утра и все такое.

– Нормально, – ответил я.

– Лифты на ночь выключаются, – сказал Газ. – Пришлось в три вырубить. Но можете подняться по лестнице.

– Круто. Ну, тогда до скорого, Газ.

– До скорого, Марго.

– Офигеть, откуда ты знаешь охранника из небоскреба «СанТраста»? – спросил я через некоторое время, когда мы уже шли по лестнице.

– Он учился в нашей школе, окончил ее в прошлом году, – ответила она. – Давай поторопимся, о'кей? Часики-то тикают.

Марго помчалась вверх, перепрыгивая через ступеньки и держась рукой за перила, я старался не отставать, но не получалось. Моя соседка спортивными играми не увлекалась, но любила бегать – я иногда видел ее в Джефферсон-парке, одну, с плеером. А я бегать не любил. Вообще любой физической активности я старался избегать. Но в ту ночь я пыхтел изо всех сил, вытирая со лба пот и стараясь не обращать внимания на горящие огнем ноги. Когда я добрался до двадцать пятого этажа, Марго ожидала меня на площадке.

– Зацени, – сказала она, открыла ведущую с лестницы дверь, и мы оказались в огромной комнате с длинным столом – как две тачки – и окнами во всю стену. – Это зал заседаний, – сообщила Марго. – Отсюда самый лучший вид.

Я пошел за ней вдоль окон.

– Так, вон там, – она показала пальцем, – Джефферсон-парк. Дома наши видишь? Свет не горит, хорошо. – Она прошла чуть дальше. – Вон дом Джейса. Тоже темно, копов уже нет. Тоже отлично, хотя может означать, что и сам он уже до дома добрался, что для нас нежелательно.

Дом Бекки был слишком далеко, и увидеть его оттуда мы не могли.

Какое-то время Марго молчала, а потом подошла к стеклу и прижалась к нему лбом. Я сделал шаг назад, но она схватила меня за майку и потянула вперед. Я боялся, что стекло нашего совместного веса не выдержит, но Марго не сдавалась, и, ощутив, как ее кулак уперся мне в бок, я все-таки приложил лоб к стеклу – как можно аккуратнее. И осмотрелся.

Сверху было видно, что Орlando очень хорошо освещен. Прямо под нами, на перекрестке, был знак, запрещающий переход дороги, во все стороны безупречной сеткой разбегались фонари – до извилистых улиц и многочисленных тупиков бесконечных жилых районов.

– Красота, – сказал я.

Марго усмехнулась:

– Да ну? Ты серьезно так считаешь?

– Ну, может, и нет, – сказал я, хотя мне все же нравилось.

Из окна самолета Орlando был похож на конструкцию из «ЛЕГО» в океане зелени. А с такой высоты и ночью он казался настоящим городом – и я его как будто видел впервые. Я прошел по конференц-залу, потом зашел и в другие кабинеты на том же этаже и рассмотрел весь город: вон школа. Вон Джефферсон-парк. Вон там вдалеке – Диснейуорлд. Вон аквапарк «Морской Мир». Вон «Севен-Элевен», около которого Марго красила ногти, пока я пытался отдышаться. Там был мой мир, и я мог осмотреть его весь с одного этажа.

– Посерьезней впечатление, – сказал я вслух. – Ну, с такой высоты. Незаметно, какое все на самом деле уже потертое, понимаешь? Не видишь ни ржавчины, ни сорняков, ни потрескавшейся краски. Все выглядит как на проекте еще до постройки.

– Вблизи всё уродливее, – согласилась Марго.

– Нет, к тебе это не относится, – сказал я, опять не подумав.

Она продолжала стоять, прижавшись лбом к стеклу, но чуть-чуть повернула ко мне голову и улыбнулась:

– Дам тебе совет. Более привлекательны уверенные в себе люди. А неуверенные – менее. – И прежде чем я придумал, что ответить, она опять опустила взгляд вниз и снова заговорила: – Вот что некрасиво: да, ты отсюда не видишь ни ржавчины, ни потрескавшейся краски, ни чего-то там еще, но зато видишь весь город, как он есть. Насколько он фальшивый. Такой из пластмассы нетрудно сделать. Или из бумаги вырезать. Ну посмотри, Кью: все эти тупики, улицы, которые замыкаются сами на себя, все эти постройки-временки. В бумажных домишках живут бумажные людишки и отапливают их собственным будущим. Бумажные дети хлещут пиво, купленное им каким-нибудь бомжом в бумажном гастрономе. И все помешаны на том, как бы занять побольше барахла. А барахло все тонкое и брэнное, как бумага. И люди такие же. Я уже восемнадцать лет живу в этом городе и еще не встретила ни одного человека, который ценил бы что-нибудь стоящее.

– Я постараюсь это на собственный счет не принимать, – сказал я.

Мы оба смотрели в чернильно-темную даль, на тупики и участки в десять соток. Но ее плечо касалось моего, локоть тоже, и хотя я на Марго даже не смотрел, а стоял, прижимаясь к стеклу, мне казалось, будто я прижимаюсь к ней.

– Извини, – добавила она, – Может, все было бы иначе, если бы я тусила с тобой, а не с... ох. Господи. Я так себе противна из-за того, что эти мои так называемые друзья мне безразличны. Ну вот, да будет тебе известно, я не то чтобы дико расстроена из-за Джейсона. Или из-за Бекки. Или даже из-за Лэйси, хотя к ней у меня были очень теплые чувства. Но просто последняя нитка оборвалась. Тонюсенькая конечно же, но она у меня единственная оставалась. А ведь каждой бумажной девчонке нужна хотя бы одна ниточка, так?

И я сказал следующее. Я сказал:

– Мы будем рады, если завтра ты пойдешь обедать с нами.

– Это мило, – едва слышно ответила Марго.

Потом она повернулась ко мне и легонько кивнула. Я улыбнулся. И она улыбнулась. Я в эту улыбку поверил. Потом мы снова вышли на лестницу и побежали. Внизу каждого пролета, спрыгивая с последней ступеньки, я щелкал каблуками, чтобы рассмешить ее, и она смеялась. Я думал, что я ее утешаю. Я думал, что она утешна. Я думал, что если смогу быть увереннее, у нас что-то получится.

Но я ошибся.

7

Мы сели в минивен, я вставил ключ и, прежде чем завести мотор, спросил:

– А во сколько, кстати, твои просыпаются?

– Не знаю, где-то в начале седьмого.

На часах было 03:51.

– То есть у нас еще больше двух часов, а выполнено уже девять пунктов.

– Знаю, но я под конец самое трудное оставила. Но мы все сделаем. Пункт Десятый – жертву выбирает Кью.

– Что?

– Наказание я уже придумала. А ты решай, кому именно мы обрушим бурю своего гнева.

– На кого именно мы обрушим бурю своего гнева, – поправил я, а Марго с презрением покачала головой. – Да и к тому же мне не на кого бурю своего гнева обрушивать, – добавил я, и это было правдой.

Мне всегда казалось, что враги есть только у значительных людей. Например, заглянем в историю: у Германии было больше врагов, чем у Люксембурга. Марго Рот Шпигельман была Германией. И Великобританией. И Соединенными Штатами. И Россией. А я – Люксембург. Я сижу на месте, пасу овец и пою йодлем.

– А Чак?

– Гм.

Чак Парсон *действительно* непрестанно меня изводил, пока его не взяли в узду. Тот случай, когда он бросил меня на ленту в столовке, был не единственным. Однажды он поймал меня на автобусной остановке и принялся выкручивать руку, повторяя: «Скажи, что ты пидор». Это у него было универсальное ругательство, типа «я всего двенадцать слов знаю, на разнообразие в оскорблениях не рассчитывай». Хотя это и выглядело до смешного по-детски, мне все же пришлось сказать, что я пидор, что было довольно-таки неприятно, поскольку, первое: мне кажется, так вообще никого не следует называть, уж особенно меня, потому что, второе: по факту я не голубой, и, более того, третье: Чак Парсон преподносил это так, будто назвать себя пидором – самое страшное унижение на свете, хотя ничего такого стыдного в нестандартной ориентации нет, что я и пытался ему втолковать, пока он выкручивал мою руку так, что даже лопатка топорщилась, но он все не унимался: «Если ты гордишься тем, что ты пидор, почему же не признаешься, что ты пидор, а, пидор?»

Аристотелевскими способностями по части логики Чак Парсон явно не отличался. Но зато в нем было шесть футов три дюйма роста и двести семьдесят фунтов веса, а это уже кое-что значит.

– Да, Чака есть за что наказать, – согласился я, завел двигатель и поехал в сторону шоссе. Я не знал, куда нам дальше, но в центре явно больше делать было нечего.

– А помнишь школу танцев? – спросила Марго. – Я сегодня как раз об этом думала.

– Ага. Да уж.

– Кстати, я извиниться хотела. Не знаю, почему я вдруг стала ему подыгрывать.

– Ладно. Все нормально, – ответил я, но все же воспоминания об этой проклятой школе

меня разозлили, так что я добавил: – Хорошо. Чак Парсон. Ты в курсе, где он живет?

– Я знала, что смогу разбудить в тебе мстителя. В Колледж-парке. Сворачивай в Принстоне.

Завернув на пандус шоссе, я надавил на газ.

– Эй, эй, смотри не сломай свой «крайслер», – сказала Марго.

В шестом классе некоторых, включая Марго, Чака и меня, родители заставили ходить на бальные танцы в Школу Унижения, Деградации и Танцев. Происходило все вот как: мальчиков ставили у одной стены, девочек – у другой, противоположной, и по команде учительницы мы должны были подойти к девочкам и сказать: «Позвольте пригласить вас на танец». А девочка должна была ответить: «Пожалуйста». Им *не разрешалось* отказывать. Но однажды – когда мы разучивали фокстрот, – Чак Парсон подговорил всех девчонок сказать мне «нет». Этот его запрет касался одного меня. Я подхожу к Мэри Бет Шортц и говорю: «Позвольте пригласить вас на танец», а она отказывается. Потом я приглашаю вторую, третью, потом Марго, потом еще одну – все они сказали мне «нет», и я расплакался.

Хуже, чем быть отвергнутым всеми в школе танцев, может быть только одно: рыдать из-за этого. А хуже этого – только подойти к учительнице и пожаловаться сквозь слезы: «Девочки не хотят со мной танцевать, хотя это *неправилам*». А я конечно же пожаловался, и все годы средней школы прошли под знаком стыда за тот ужасный инцидент. В общем, короче говоря, из-за Чака Парсона я больше не танцую фокстрот, что, по сути, не такая уж большая печаль. Я уже перестал злиться на него, я забыл про тот случай, как и про все остальные его издевки, которые претерпел за школьные годы. Но меня не расстроит и то, что он тоже теперь немножко пострадает.

– погоди, он же не узнает, что это я?

– Нет. А что?

– Не хочу, чтобы он думал, что меня его старые выходки до сих пор так волнуют, что я решил нанести ответный удар.

Я положил руку на центральную панель, и Марго похлопала по ней.

– Не волнуйся, – заверила она, – он ни за что не узнает, кто его депилировал.

– Мне кажется, ты опять говоришь неправильно, хотя я не в курсе, что это слово означает.

– О, я знаю слово, которого не знаешь ты, – пропела Марго. – Я – НОВАЯ СЛОВАРНАЯ КОРОЛЕВА! Я ТЕБЯ УЗУРПИРОВАЛА!

– Ну-ка скажи, как пишется «узурпировала»? – попросил я.

– Нет, – засмеялась она. – Я узурпированному свою корону не отдам. Не заслужил.

– Отлично, – с улыбкой ответил я.

Мы ехали через Колледж-парк. Считается, что это типа наш «исторический район» – тут, видите ли, дома аж тридцатилетней давности. Марго точного адреса Чака не знала, она не помнила даже, как выглядит его дом, более того, она не была уверена, на какой именно улице он стоит. («Я думаю, что на Вассар – вероятность процентов девяносто пять».) В конце концов, когда мы проползли целых три улицы от Вассара, Марго показала рукой налево и сказала:

– Здесь.

– Ты уверена? – спросил я.

– Процент на девяносто семь и две десятых. Ну, то есть я почти не сомневаюсь, что это его комната, – сказала она, показывая пальцем. – У него однажды была такая бурная вечеринка, что приехали копы, и я сбежала через окно. Мне кажется, что это оно.

– Похоже, риск нарваться на неприятности очень велик.

– Но если окно открыто, то это не взлом. Только проникновение. Мы же *только что* в «СанТраст» проникли, все ведь нормально было, согласен?

Я рассмеялся:

- Ты как будто в хулигана меня стараешься превратить.
- Таков замысел. Так, что понадобится? Бери «Вит», краску, вазелин.
- Хорошо.

– Так, Кью, ты главное – не психани там. Хорошо, что Чак спит, как медведь зимой. Мы с ним как-то вместе на английский ходили, и он не проснулся, даже когда миссис Джонстон огрела его книжкой *«Джейн Эйр»*. Значит так: мы подбираемся к окну, открываем его, разуваемся, тихонько влезает, я делаю свое черное дело, потом мы с тобой разлетаемся в разные стороны и мажем вазелином все дверные ручки, так что даже если кто проснется, из дома им выбраться будет крайне проблематично. Благодаря этому нас не смогут поймать. А потом мы еще немного поиздеваемся над Чаком, слегка покрасим его дом, после чего сматываемся. И все молча.

Я снова положил руку на пульс, но на этот раз я улыбался.

Когда мы шли к дому, Марго взяла меня за руку, переплела свои пальцы с моими и сжала. Я тоже сжал ее руку и посмотрел на нее. Она торжественно кивнула, я кивнул в ответ, и она отпустила мою руку. Мы быстро подоברались к окну. Я осторожно попытался поднять деревянную раму. Она тихонечко скрипнула, но окно открылось легко. Я посмотрел в комнату. Там было темно, но тело на постели я разглядел.

Для Марго окно оказалось чуть высокоовато, поэтому я сцепил руки, она встала на них – в носках, – и я помог ей залезть. Она проникла в дом совершенно бесшумно, любой ниндзя обзавидовался бы. Я подпрыгнул, зацепился за край окна так, что над подоконником оказались голова и плечи, а потом, совершая какие-то нелепые телодвижения, попытался гусеницей вползти в дом. Все было бы хорошо, но я, пока лез, так расплющил яйца о подоконник, что невольно застонал, короче, слажал по-крупному.

У кровати зажглась лампа. В постели оказался какой-то старикан – однозначно не Чак Парсон. Он в ужасе – и совершенно молча – смотрел на нас.

– Э, – сказала Марго.

Я подумал, что могу спрыгнуть и побежать к машине, но ради нее остался: верхняя часть моего тела застыла в комнате, параллельно полу.

– Э, кажется, дом все же не тот. – Она повернулась и бросила в мою сторону выразительный взгляд.

Только тут я понял, что из-за меня она не может вылезти. Так что я оттолкнулся, спрыгнул, схватил обувь и бросился бежать.

Мы поехали в противоположную часть Колледж-парка, чтобы пересмотреть стратегию.

– Думаю, тут мы оба виноваты, – сказала Марго.

– Гм, ты не на тот дом показала, – ответил я.

– Да, но ты шум поднял.

С минуту мы молчали, нарезая круги, а потом я, наконец, сказал:

– Может, в Интернете его адрес удастся найти? У Радара есть пароль от школьной сети.

– Гениально, – одобрила Марго.

Я позвонил Радару, но у него сразу же включился автоответчик. Я подумал, не позвонить ли на домашний, но наши родители дружили, так что эта идея не годилась. Потом я додумался позвонить Бену. Это не Радар, конечно, но Бен знает все его пароли. Я набрал. Тоже включился автоответчик, но после нескольких гудков. Так что я набрал еще раз. Снова автоответчик. Я набрал еще раз. Автоответчик.

Марго сказала:

– Он явно не собирается отвечать.

А я, пробуя снова, возразил:

– Нет, он ответит.

И после еще трех-четырёх попыток Бен снял трубку:

– Ради твоего же блага, я надеюсь, ты хочешь мне сообщить, что у тебя дома одиннадцать голых заек, жаждущих Особых Ощущений, которые им может дать только

Большой Папочка Бен.

– Мне нужно, чтобы ты зашел в школьную сеть под паролем Радара и нашел один адрес. Чака Парсона.

– Нет.

– Прошу тебя.

– Нет.

– Бен, сделай это, и ты не пожалеешь. Честно.

– Ладно, ладно, я нашел. Я искал, пока говорил тебе «нет». Я не могу, но помогу. Амхерст, четыреста двадцать два. Слушай, а на фиг тебе адрес Чака Парсона в начале пятого утра?

– Поспи-ка, Бенище.

– Я буду думать, что все это мне приснилось, – ответил он и повесил трубку.

Амхерст была всего лишь в паре улиц от нас. Мы остановились перед домом четыреста восемнадцать, собрали все необходимое и побежали через газон Чака, на траве уже лежала роса и холодила нам ноги.

Окно Чака, к счастью, оказалось ниже, чем у того Внезапного Старика. Я тихонько влез, а потом помог забраться Марго. Чак Парсон спал, лежа на спине. Марго на цыпочках подошла к нему, я стоял за ней, мое сердце неистово колотилось в груди. Если он проснется, то убьет нас обоих. Она достала «Вит», выдавила на руку каплю чего-то вроде крема для бритья и осторожно размазала по правой брови Чака. У него ни один мускул не дрогнул.

Потом она открыла банку с вазелином – крышка, казалось, оглушающе громко чавкнула, но Чак опять никак не отреагировал. Марго зачерпнула побольше вазелина и положила мне на ладонь, после чего мы разбежались в разные стороны. Я пошел сначала к входной двери и вымазал ручку, потом – к спальне, дверь в которую была открыта. Я нанес вазелин на внутреннюю ручку и тихонько закрыл дверь – она едва скрипнула.

Наконец, я вернулся в комнату Чака – Марго уже ждала меня там, мы закрыли его дверь и просто адски навазелинили ручку. Остатки мы размазали по окну, в надежде, что так его будет сложнее открыть после того, как мы выберемся и закроем его снаружи.

Марго посмотрела на часы и показала мне два пальца. Мы стали ждать. Все эти две минуты мы смотрели друг на друга, и я наслаждался синевой ее глаз. В темноте и тишине мне было спокойно, к тому же я не мог сказать ничего такого, что могло бы все испортить, а Марго смотрела на меня так, будто во мне тоже было что-то стоящее.

Она кивнула, и я подошел к Чаку. Обернув руку собственной майкой, как она мне велела, я, стараясь действовать как можно аккуратнее, наклонился и, прижав палец к его лбу, быстро вытер крем. А вместе с ним убрал и каждый волосок с правой брови Чака Парсона. И в тот момент, когда я стоял над ним, с его правой бровью на майке, он внезапно открыл глаза. Марго с быстротой молнии схватила одеяло и набросила на Чака, а когда я поднял взгляд, маленькая ниндзя уже вылезла из окна. Я поспешил за ней – под вопли Чака: «МАМ! ПАП! НАС ГРАБЯТ!»

Мне так хотелось ответить: «*Мы ничего не украли, разве что твою правую бровь*», но все же я держал рот на замке, выбираясь из окна ногами вперед. И чуть не упал на Марго, рисуя свой инициал на виниловой панели Чакова дома. Потом мы похватили свою обувь и бросились бежать к минивену. Оглянувшись, я увидел, что в доме загорелся свет, но никто еще не вышел: явное доказательство эффективности хорошего слоя вазелина на дверной ручке. Когда мистер (или миссис, я не разглядел) Парсон раздвинул шторы в гостиной и выглянул в окно, мы уже ехали задом в сторону Принстон-стрит и трассы.

– Да! – заорал я. – Бог мой, это было гениально!

– Ты это видел? Его рожу без брови? Как будто он во всем сомневается. Типа такой: «Неужели? Говоришь, у меня всего одна бровь? Очень вероятно». И так круто, что этому уроду теперь придется выбирать: либо сбрить левую, либо нарисовать правую? Супер. А как он мамочку звал, плакса паршивая.

– Погоди, а *ты-то* за что его ненавидишь?

– Я не говорила, что ненавижу его. Я просто сказала, что он плакса паршивая.

– Но ты же с ним вроде всегда дружила, – удивился я.

По крайней мере, я думал, что они дружили.

– О да, у меня всегда была куча типа друзей, – ответила Марго. Она наклонилась и положила голову на мое костлявое плечо, и ее волосы рассыпались по моей шее. – Я устала, – сказала она.

– Кофеин, – ответил я.

Она слазила назад и взяла две банки «Маунтин дью» – я осушил свою в два глотка.

– Значит, теперь в «Морской Мир», – сообщила Марго. – Пункт Одиннадцатый.

– Что? Типа освободить Вилли?

– Нет. Просто едем в «Морской Мир». Это единственный парк развлечений, куда я еще не вламывалась.

– Да в «Морской Мир» мы и не вломимся, – сказал я, подъезжая к пустой стоянке возле мебельного магазина и останавливаясь.

– Время поджигает, – произнесла Марго и протянула руку к замку зажигания.

Я ее оттолкнул.

– Да в «Морской Мир» мы и не вломимся, – повторил я.

– Опять ты со своими взломами.

Марго смолкла, открывая еще одну «Маунтин дью». Свет, отражаясь от банки, падал ей на лицо. На губах мелькнула улыбка, и она сказала:

– Не будем мы ничего *взламывать*. Не рассматривай это как *взлом* «Морского Мира». Считай, что мы просто посетим его посреди ночи и бесплатно.

8

– **Так, во-первых, нас поймают,** – сказал я.

Я, так и не заведя мотор, принялся излагать причины, по которым собирался выйти из игры, гадая, видит ли Марго в темноте мое лицо.

– Поймают, конечно же. И что с того?

– Это противозаконно.

– Кью, ну, по большому-то счету, какие из-за этого у тебя могут быть неприятности? Господи, после всего, что я для тебя сегодня сделала, ты не можешь мне одним-единственным добрым делом отплатить? Не можешь закрыть рот, успокоиться и перестать трястись из-за каждого малюсенького приключения? – И тихонько добавила: – Блин, будь же мужиком наконец.

И тут я вышел из себя. Я вынырнул из-под ремня и оперся о приборную панель – чтобы смотреть ей в лицо.

– Всего, что ТЫ для МЕНЯ сделала? – Я буквально орал. Хотела уверенности? Вот тебе и уверенность. – Это ты звонила отцу МОЕЙ подружки, которая трахается с МОИМ парнем, чтобы никто не догадался, что это я? Ты мою задницу по городу всю ночь катала, и не потому что «ах как я тебя ценю», а потому что мне просто нужен был шофер, а ты как раз живешь по соседству? Этим ты ради моего удовольствия всю ночь занималась?

Марго не смотрела на меня. Она смотрела вперед, на стену мебельного магазина.

– Думаешь, ты действительно был мне нужен? Не понимаешь, что я могла дать Мирне бенадрил и выкрасть сейф из-под кровати, пока она будет дрыхнуть без задних ног? Или прокрасться в твою спальню и взять ключ? Придурок, я могла бы все сделать без тебя. Но я тебя *выбрала*. И ты тоже меня выбрал. – Вот тут Марго посмотрела на меня. – А это сродни клятве. По крайней мере, на эту ночь. В болезни и здравии. В печали и радости. В бедности и богатстве. Пока рассвет не разлучит нас.

Я завел мотор и выехал со стоянки. Если отставить в сторону всю эту ее фигню про то, что мы якобы команда, я все еще чувствовал себя так, словно делаю это из-под палки, и мне

хотелось сказать последнее слово.

– Да, но когда руководство «Морского Мира» пошлет письмо в Дьюк с сообщением, что негодяй Квентин Джейкобсен проник на их территорию в полпятого утра в сопровождении какой-то безумной девицы, в университете очень разозлятся. И мои родители очень разозлятся.

– Кью, да поедешь ты в свой Дьюк. Станешь успешным адвокатом или кем-то там еще, женишься, заведешь детишек, проживешь долго и помрешь, но перед смертью, захлебываясь собственной желчью в доме престарелых, ты скажешь: «Черт, я всю жизнь прожил зря, но хотя бы мы с Марго Рот Шпигельман однажды в пять утра пробрались в «Морской Мир», хотя бы в тот день я *saagre diem*³».

– *Noctem*, – поправил я.

– Ладно, ты снова Словарный Король. Трон опять твой. А теперь вези меня в «Морской Мир».

Мы молча ехали по I-4, и я вдруг вспомнил того мертвого в сером костюме. «*Может, она поэтому меня выбрала*», – подумал я. И только в этот момент я наконец сопоставил, что она тогда сказала про него и про ниточки, а сегодня – про себя и про ниточки.

– Марго, – нарушил я наше молчание.

– Кью, – ответила она.

– Ты говорила... Когда тот мужик умер, ты сказала, что у него, наверное, все ниточки внутри оборвались, а сегодня ты и про себя сказала, что у тебя порвалась последняя нитка.

Она напряженно засмеялась:

– Ты слишком переживаешь. Нет, я не хочу, чтобы меня, всю в мухах, нашли детишки в Джефферсон-парке субботним утром. – Марго сделала паузу, чтобы подчеркнуть самое главное: – Я для такого слишком самолюбива.

Я облегченно засмеялся и свернул с шоссе в Интернейшнл-драйв, туристическую столицу мира. Там были тысячи магазинов, в которых продавалось одно и то же: дерьмо. Дерьмо в морских раковинах, брелоки из дерьма, дерьмовые стеклянные черепашки, магниты на холодильник с Флоридой, розовые пластмассовые фламинго, всякая фигня. Там было даже несколько магазинов, которые торговали самым настоящим дерьмом в буквальном смысле: какашки броненосца – всего четыре бакса девяносто пять центов за мешочек!

Но в 04:50 утра туристы спят. Дорога казалась совершенно вымершей, как и все вокруг: мы ехали мимо магазинов, мимо стоянок, и нигде никого.

– «Морской Мир» прямо за магистралью, – сказала Марго.

Она снова полезла назад и принялась рыться в рюкзаке или где-то там еще.

– Я распечатала спутниковые карты и нарисовала план нападения, но что-то, блин, никак найти не могу. Но все равно давай по этой дороге, слева будет магазинчик с сувенирами.

– Слева у меня примерно семнадцать тысяч магазинчиков с сувенирами.

– Да, но один будет прямо, как закончится съезд.

И, естественно, там он был только один, я въехал на пустую стоянку и встал прямо под фонарем, потому что в этом районе постоянно тачки угоняют. Конечно, на «крайслер» может позариться только отъявленный мазохист, но меня идея объяснить маме, как тачка могла пропасть на рассвете в будний день, все равно не прельщала.

Мы вышли, прислонились спинами к минивену, воздух был такой теплый и густой, что одежда липла к телу. Мне снова стало страшно, казалось, будто на меня смотрят люди, которых я сам не вижу. Мы столько уже всего сделали в темноте, у меня от многочасового напряжения болел живот. Марго нашла свои карты и в свете фонаря показала мне синим

³ Марго использует знаменитое латинское выражение «живи одним днем», а Квентин поправляет «ночью».

пальцем маршрут.

– Думаю, забор там, – сказала она, показывая на участок, который мы видели, как только переехали через дорогу. – Я о нем в сети прочитала. Его поставили несколько лет назад, после того как среди ночи в парк зашел какой-то алкаш и решил искупаться с Шаму, которая немедля его прикончила.

– Серьезно?

– Да. Так что, если уж пьяный залез, мы, трезвые, тоже справимся. Ну, мы же ниндзя.

– Ну, *ты*, может быть, и ниндзя, – сказал я.

– Ты тоже ниндзя, просто очень шумный и неуклюжий, – ответила Марго. – Мы оба ниндзя.

Она убрала волосы за уши, надела капюшон и затянула шнурок; свет фонаря подчеркивал черты ее бледного лица. Может, и так, может, мы оба ниндзя, но костюм подходящий только у нее.

– Ладно, – сказала она. – Изучи карту.

Самым трудным участком, судя по плану Марго, был ров с водой длиной в полмили. «Морской Мир» имеет форму треугольника. Одну его сторону защищает дорога, которая, по расчетам Марго, регулярно патрулируется ночными сторожами. Еще с одной стороны – озеро, по меньшей мере, милю в длину, а с третьей – водоотводная канава; согласно карте, по ширине она – как двухполосная дорога. А во Флориде в таких канавах рядом с озерами часто обитают крокодилы.

Марго схватила меня за плечи и развернула лицом к себе:

– Вероятно, нас поймают, и когда это произойдет, ты молчи, говорить буду я. Ты постарайся принять вид посимпатичней и просто стой со смесью уверенности и невинности на лице. И все будет отлично.

Я закрыл машину, постарался пригладить свою пышную шевелюру и прошептал: «Я ниндзя». Я вообще-то не хотел, чтобы Марго это услышала, но она тут же отреагировала:

– Так и есть, черт возьми! Ну, идем.

Мы побежали через дорогу, а потом принялись продирааться сквозь плотные заросли высокого кустарника. Я начал беспокоиться, что там может расти ядовитый сумах, но ниндзя-то из-за ядовитого сумаха не переживают, так что я оставил эту мысль и стал просто раздвигать руками ветки с колючками, пробираясь вперед, ко рву. Наконец заросли кончились, и мы вышли на открытый участок, справа лежала дорога, а прямо перед нами был ров. С дороги нас могли бы увидеть, но в такое время там не было ни одной машины. Мы бросились бежать через дубовую чащу, потом резко свернули к дороге. Марго сказала: «Давай, давай!» – и я полетел через шестиполосное шоссе. Даже несмотря на то что машин не было, внутри у меня все бурлило от волнения, казалось, что бежать через такую широкую трассу – неправильно в принципе.

На другой стороне вдоль шоссе росла трава по колено, и мы опустились в нее. Марго показала на ряд деревьев, которые росли между бесконечно огромной стоянкой «Морского Мира» и черной, недвижимой водой в канаве. Около минуты мы бежали под этими деревьями, а потом она потянула меня за майку сзади и тихонько сказала:

– Теперь через ров.

– Девушки вперед, – сказал я.

– Да ладно. Я уступаю, – ответила она.

Я не думал ни об аллигаторах, ни о мерзких водорослях. Я просто разбежался и прыгнул как можно дальше. Оказавшись по пояс в воде, я пошел к другому берегу, высоко задирая ноги. Пахла вода гадко, и сама была какая-то склизкая, но хотя бы там оказалось не глубже, чем по пояс, и сверху я не намок. По крайней мере, до тех пор пока в воду не прыгнула Марго, забрызгав меня всего. Я развернулся и обдал ее в отместку. Она притворилась, что ее рвет.

– Один ниндзя не должен брызгать на другого, – пожаловалась она.

– Настоящий ниндзя сам первый не брызгается, – ответил я.

– Ну ладно, ты меня сделал.

Я смотрел, как Марго выбирается из рва. И ужасно радовался тому, что крокодилов все же нет. Даже пульс был приемлемый, он разве что слегка участился. Кофта с капюшоном на Марго была расстегнута, под ней оказалась черная майка, которая намочила и липла к телу. В общем, почти все шло весьма неплохо, и тут я краем глаза заметил, что рядом с Марго в воде кто-то скользит. Она уже сделала шаг на берег, ахиллово сухожилие напряглось, и прежде чем я успел хоть что-то сказать, змея укусила ее за левую щиколотку, прямо под нижним краем джинсов.

– Черт! – выругалась Марго, опустила взгляд и повторила: – Черт!

Змея все еще висела на ней. Я кинулся к Марго, схватил змею за хвост, оторвал ее от ноги и бросил в ров.

– Боже мой. Что это было? Мокасиновая змея?

– Не знаю. Приляг, приляг, – сказал я, взял ее ногу в руки и задрал штанину.

На щиколотке, куда вонзились клыки, выступили две капли крови, я наклонился, прижался к ране ртом и принялся что было мочи высасывать яд. Сплюнув, я снова наклонился к ноге, но Марго воскликнула:

– погоди, я ее вижу. – Я в ужасе подскочил, а она сказала: – Господи, это просто уж.

Она показывала в сторону рва, в свете прожектора было видно, что это, действительно, уж. Издалека да еще и на свету змея казалась не страшнее маленькой ящерицы.

– Слава богу, – выдохнул я и сел рядом с Марго, чтобы отдышаться.

Посмотрев на место укуса, которое уже перестало кровоточить, она спросила:

– Ну и как тебе целоваться с моей ножкой?

– Очень неплохо, – сказал я честно.

Она наклонилась ко мне, слегка навалившись, ее плечо легло мне на грудь.

– Я сегодня *именно* ради такого случая побрила ноги. Я подумала, мало ли, вдруг кто-нибудь решит припасть к ним губами, чтобы отсосать змеиный яд.

Перед нами находился забор из проволочной сетки, но был он всего где-то шесть футов. Как сказала Марго: «Да что такое, сначалаужи, а теперь – такой забор? Для ниндзя это просто оскорбительно». Она резво полезла вверх, ловко перебралась на другую сторону и спустилась – словно это была лестница. Мне тоже удалось не упасть.

Потом мы побежали через небольшую аллею, прижимаясь к огромным непрозрачным контейнерам, в которых, может быть, держали животных, и через некоторое время выбрались на асфальтированную дорожку, откуда открылся вид на большой амфитеатр – я помню, там меня обдала водой Шаму, когда я был еще ребенком. Над аллеей висели небольшие динамики, из которых лилась какая-то тихая попсовая музыка. Может, чтобы животные не бесились.

– Марго, – сказал я, – мы в «Морском Мире».

Она ответила:

– Реально, – и побежала, а я – за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.